
*Новые материалы по биографіи російскихъ
коронованныхъ особъ, составленные на основаніи
заграничныхъ документовъ*

ЕКАТЕРИНА II

**ея происхожденіе,
ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА**

Сочиненіе
А. В. СТЕПАНОВА

Berlin
Heinrich Caspari

*Новые материалы по биографіи російскихъ
коронованныхъ особъ, составленные на основаніи
заграничныхъ документовъ*

ЕКАТЕРИНА II

**ея происхожденіе,
ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИКА**

Сочиненіе
А. В. СТЕПАНОВА

Berlin
Heinrich Caspari

Druck der Spamerschen Buchdruckerei in Leipzig

Россійскій дворъ въ теченіи восемнадцатаго столѣтія представляетъ примѣръ гнуснѣйшаго разврата и вырожденія, примѣръ, какого нельзя встрѣтить въ исторіи народовъ міра. Коварныя убійства, прелюбодѣянія, государственная измѣна, клятвенное преступленіе, развратъ — короче, все, что въ «подданныхъ» царствующей династіи той классической эпохи наказывалось колесованіемъ и висѣлицей, пыткой и каторгой, нашло себѣ самое благосклонное покровительство въ развращенныхъ представителяхъ и руководителяхъ несчастнаго народа.

Куда ни заглянешь, всюду въ лѣтописяхъ той эпохи находишь нравственную грязь и гнуснѣйшій развратъ, отъ которыхъ тошнитъ всякаго не погрязшаго въ омутѣ порока и нравственной развратности.

Перелистывая страницы лѣтописей, невольно думаешь, что полчища злыхъ духовъ и отребья человечества со всего міра основали свое пристанище на берегахъ Невы, гдѣ они воздвигли себѣ ужасный памятникъ человѣческой гнусности и безпутства.

Петръ Великій рѣшилъ «преобразовать» свой

народъ, коснѣвшій въ дикости, грубости и невѣжествѣ, по западно-европейскому образцу. Но будучи самъ полудикаремъ, онъ приступилъ къ «реформаціи» съ необыкновенной жестокостью. Насаждая европейскую цивилизацію среди непроходимыхъ лѣсовъ и топкихъ болотъ, онъ съ звѣрскою безжалостностью искоренялъ изъ жизни своего народа все святое и вѣками созданное.

Покусившись на вѣковыя традиціи своего народа и создавъ вслѣдствіе сего пропасть между народомъ и правящими классами, онъ вызвалъ также къ жизни ту безжалостную систему эксплуатаціи народныхъ силъ въ пользу государства, которая высасывала изъ милліоновъ подданныхъ послѣднюю каплю крови и истощала ихъ силы на многія десятилѣтія.

Этотъ кровожадный властелинъ достигъ того, что однимъ взмахомъ пера могъ уничтожить сотни тысячъ жизней своихъ подданныхъ, которые при одномъ имени Петра впадали въ неописуемый ужасъ; но при этомъ онъ по своей близорукости совершенно упустилъ изъ вниманія, что самъ онъ не вѣченъ и также подверженъ безжалостнымъ законамъ природы, какъ и всякое другое существо въ мірѣ, и что одной унціи яда или одного удара острымъ кинжаломъ достаточно, чтобы превратить его, грозу милліоновъ, въ хладный прахъ . . . Онъ даже самъ иоложилъ подъ древо, которое онъ посадилъ, топоръ, пбо онъ сдѣлалъ классическую ошибку постановле-

ніемъ, чтобы всякій монархъ произвольно назначалъ себѣ преемника.

Такимъ образомъ, корона могущественнаго и величайшаго царства въ мірѣ официально была превращена въ общественное достояніе и стала приманкою для всѣхъ лихихъ и хитрыхъ проходимцевъ и мошенниковъ различныхъ племенъ.

Конюхъ Бюренъ (предокъ принца Бирона Курляндскаго), пѣвчій Раумовскій, плебей Меншиковъ, шулеръ Орловъ и много другихъ — всѣ стремились завладѣть, если и не всей порфирой, то хотя однимъ уголкомъ ея.

Лишь завистливая ревность, которая одинаково обуревала всѣхъ претендентовъ, нѣсколько охлаждала пылъ ихъ кесарскаго помѣшательства, ибо кто сегодня достигалъ верховной власти, тотъ не зналъ и не былъ увѣренъ, что съ нимъ будетъ завтра: будетъ ли онъ на висѣлицѣ или на пути въ Сибирь.

Возстанія, звѣрскія убійства, дворцовыя революціи — были ничтожныя домашнія средства, которыми російскій деспотизмъ до нѣкоторой степени держалъ себя въ засадѣ. — Обыватели Святой Руси, ложась спать, никогда не были увѣрены, что на утро они не будутъ имѣть новаго правительства.

Ни народу, ни правительству не было никакого дѣла другъ до друга. Первое совершенно игнорировало мнѣніе своего народа, а послѣдній, будучи забитъ нравственно и физически и отягощенъ непосильными податями и налогами, представлялъ

безмолвную массу, стоящую внѣ всякихъ законовъ и знавшую лишь, что сегодняшнее правительство его также безжалостно обираетъ, какъ обирало вчерашнее и какъ будетъ обирать завтрашнее.

Страннымъ кажется на первый взглядъ то обстоятельство, что женскій элементъ могъ играть въ теченіи этой классической, по разврату, эпохи столь важную роль на всероссійскомъ престолѣ. Не менѣе шести властительницъ находились на престолѣ Россіи въ теченіи XVIII вѣка, а именно: Софія, сестра Петра I, Екатерина I, супруга Петра, его племянница Анна Иоанновна, племянница послѣдней Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, дочь Петра I, и Екатерина II или «Великая». Всѣ эти коронованныя женщины были не болѣе, какъ маріонетки, которыми управляли и за которыми безнаказанно скрывались полчища ихъ любимцевъ и любовниковъ, управлявшихъ и разорявшихъ Россію. «Что за удивительная эпоха», восклицаетъ Александръ Герценъ — «императорскій тронъ уподобленъ постели Клеопатры! Толпа олигарховъ, чужестранцевъ, фаворитовъ привезла въ Россію неизвѣстнаго ребенка, нѣмку, возвела ее на тронъ, обожала ее и ея именемъ надѣляла ударами плети всякаго, кто вадумалъ возражать и прекословить! Едва избранная успѣвала вкусить всѣ блага жизни, опьянѣтъ отъ безграничной власти и сослать своихъ враговъ въ каторжныя работы или осудить на пытку, какъ слѣдующая телѣга подвозила къ трону новаго претендента,

который свергалъ вчера избраннаго вмѣстѣ со всей его придворной кликой. Тѣ, кто сегодня были министрами и генералами, завтра, скованные по рукамъ и ногамъ, шли ссылкой въ Сибирь.»

Трудно найти въ исторіи шесть царствованій, которые были бы богаче войнами, революціями, преступленіями и несчастіями всякаго рода, чѣмъ царствованія упомянутыхъ шести распутницъ.

Среди всеобщаго административнаго хаоса, достигшаго своего кульминаціоннаго пункта, и возвысилась Екатерина II, названная подкупленными историками «Великой», которая воплотила въ себѣ всѣ нравственные недуги своего времени.

Происхожденіе Екатерины II.

Происхожденіе этой коронованной куртизанки покрыто полнымъ мракомъ. Если свѣдѣнія извѣстныхъ источниковъ и плоды строго научныхъ изысканій историковъ, въ родѣ Зугенгейма, отвѣчаютъ дѣйствительности, то «великая» императрица является преступнымъ продуктомъ распутства, гнѣздившагося въ прошломъ столѣтіи при германскихъ дворахъ. По этимъ изслѣдованіямъ Екатерина II незаконная дочь Фридриха Великаго. Вотъ что говоритъ намъ о ней исторія:

Мать Екатерины II, Иоанна Елизавета Гольштейнъ-Готторпская, была страстная и легкомысленная женщина, которая въ 1727 г., 15 лѣтъ отъ роду, вышла замужъ за князя Христіана Августа Ангальтъ-

Цербсткаго, генераль-маіора прусской службы. Послѣднему было около тридцати лѣтъ, когда онъ обвѣнчался съ молодой принцессой, которая, какъ прибавляетъ историкъ Бистеръ, чуть ли не съ перваго дня своего замужества стала «другомъ» семнадцатилѣтняго прусскаго кронпринца Фридриха.

Фридрихъ же, какъ извѣстно, уже на пятнадцатомъ году пожалъ свои первые лавры любви, когда онъ, между прочимъ, имѣлъ оставившую слѣды въ исторіи связь съ графиней Оржельской, метрессой Фридриха Августа I Саксонскаго. Что 15-ти лѣтняя генераль-маіорша не была особенно моральна въ любви, доказываетъ, между прочимъ, извѣстный скандалъ въ Петербургѣ, гдѣ она, уже будучи 30-ти лѣтней женщиной, гостила съ дочерью при дворѣ и гдѣ завела любовную интрижку съ директоромъ Воспитательнаго Дома, Иваномъ Бецкимъ.

По смерти мужа, который постоянно хворалъ, эта дама отправилась въ Парижъ, гдѣ она вела жизнь, ничѣмъ не отличавшуюся отъ обыкновенной кокетки. Но и до смерти мужа она не отличалась цѣломудріемъ, ибо когда ея супругъ служилъ комендантомъ въ Штеттинѣ, Іоанна безнаказанно веселилась и заводила любовныя интрижки въ Берлинѣ, который она, какъ видно изъ ея писемъ, посѣщала очень регулярно; когда же ей надоѣдалъ Берлинъ, она развлекалась у своихъ ангальтскихъ родственниковъ, или въ замкѣ Дорнбургѣ, или въ Цербстѣ, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Полтора года послѣ

вступленія въ бракъ, она родила 2 мая 1729 г. дочь, названную Софія Августа Фридерика, которую родители прозвали «Fiekchen» и которая, впоследствии, подъ именемъ Екатерины II играла столь выдающуюся роль въ исторіи народовъ.

Ровно 9 мѣсяцевъ до рожденія Фикхенъ, прусскій кронпринцъ Фридрихъ долгое время гостилъ въ Ангальтѣ у своей юной подруги*). Ангальтъ былъ вообще излюбленнымъ уголкомъ любовныхъ интрижекъ прусскаго кронпринца, здѣсь онъ произвелъ на свѣтъ позднѣйшаго своего любимца и адъютанта, графа Фридриха Ангальтскаго.

«Я очень люблю дѣтей любви», говорилъ часто Фридрихъ про своихъ Ангальтскихъ дѣтей, и онъ дѣйствительно любилъ и не забывалъ ихъ, а потому и судьбою Фикхенъ онъ всегда интересовался, что намъ вполне подтверждаетъ и исторія. По свидѣтельству историка Рульэра и нѣкоторыхъ другихъ, Фикхенъ, или «Fikken», какъ писала это имя мать ея, все время молодости провела въ Берлинѣ, а первые годы зрѣлости — при дворѣ Фридриха.

Когда въ 1740 г. Фридрихъ вступилъ на престолъ, штеттинскій генераль-маіоръ, не смотря на болѣзненность и ограниченность ума, сталъ быстро повышаться и черезъ два года былъ уже генераль-фельдмаршаломъ, хотя ко двору своему Фридрихъ его не

*) См. Correspondance polit. et anecdot. sur les Affaires de l'Europe, et particulière sur celles de l'Allemagne. Томъ I, стр. 54.

призывалъ, а держалъ его все время въ Штеттинѣ, гдѣ въ то время велись нескончаемыя военныя операціи противъ Даніи.

Фридриху Прусскому принадлежитъ несчастная для Россіи мысль рекомендовать 14-ти лѣтнюю дѣвочку изъ бѣднаго и незначительнаго Цербсткаго дома императрицѣ Елизаветѣ въ качествѣ невѣсты для русскаго наслѣднаго князя Петра. Всѣ коронованныя особы того времени ревностно добивались руки полуидіота Петра для своихъ дочерей, зная, какую карьеру ихъ дочерямъ сулила богатая Россія. Елизавета же имѣла въ виду для наслѣдника сестру Фридриха, принцессу Ульрику, но Фридрихъ мастерски сѣумѣлъ замѣнить ее Фикхенъ. Онъ умѣлъ убѣдить Елизавету и склонить ее въ пользу Фикхенъ, которая вскорѣ, къ великому удивленію всей Европы, появилась въ Петербургѣ. Это было такое же нападеніе Фридриха на Россію, какое было недолго до того на Австрію, у которой онъ отнялъ Силезію. Только въ Силезію онъ посылалъ солдатъ, въ Россію же серебрянныя талеры, которыми и подкупилъ всѣхъ, начиная съ канцлера и кончая послѣднимъ лакеемъ и попомъ, для того, чтобы только расчистить дорогу своей дорогой Фикхенъ.

Безъ сомнѣнія Екатерина (Фикхенъ) въ то время не подозрѣвала, какое орудіе намѣревался сдѣлать изъ нея ея незаконный отецъ Фридрихъ.

Когда Екатерина устранила съ дороги мужа своего, Петра III, и завладѣла браздами правленія,

она издала манифестъ къ русскому народу, въ которомъ ставила умерщвленному Петру въ вину заключенный мирный договоръ съ Фридрихомъ, «злѣйшимъ врагомъ Россіи». Она немедленно нарушила этотъ договоръ и приказала жителямъ Восточной Пруссіи, занятой въ то время русскими войсками, принести ей клятву вѣрности. Въ Берлинѣ съ большимъ безпокойствомъ ожидали новаго наступленія русской арміи. Въ отчаяніи Фридрихъ вступилъ въ переговоры съ главнокомандующимъ русской арміей Чернышевымъ и послѣ этой, оставшейся секретомъ, аудіенціи, отчаянное положеніе прусскаго короля вдругъ, какъ по волшебству, прекратилось. — Такъ закончилась тягостная для Пруссіи Семилѣтняя Война.

Въ чемъ состояли эти переговоры, никто сказать не можетъ, но тотъ фактъ на лицо, что немедленно послѣ нихъ Екатерина измѣнила свою политику по отношеніи къ Пруссіи. Выраженіе въ манифестѣ «злѣйшій врагъ Россіи» она истолковала ошибкой переводчика, и король и обильная потомствомъ Екатерина жили съ этихъ поръ въ полной взаимной гармоніи.

Когда Фридрихъ предвидѣлъ близость своей кончины, онъ возвелъ графа Фридриха Ангальтскаго въ члены королевскаго дома, наградилъ его помѣстьями и деньгами и послалъ его въ Россію, предписавъ Екатеринѣ принимать его и чествовать какъ Прусскаго принца.

Но Екатерина мало заботилась о своихъ родственникахъ и единоплеменникахъ. Ея три младшія сестры были слабаго тѣлосложенія и умерли, не достигнувъ зрѣлаго возраста, а о своемъ братѣ, оставшемся въ Цербстѣ, она совершенно не думала. Лишь на первыхъ порахъ царствованія она стремилась возвысить Цербстъ въ курфюршество, но позднѣе она и объ этомъ оставила всякія помыслы.

Образцовый бракъ.

Весьма характернымъ факторомъ русскаго абсолютизма является указъ Петра I отъ 1722 г., въ которомъ этотъ кровожадный, чувственный деспотъ говоритъ: «предоставляется воля царствующаго монарха, по своему усмотрѣнію назначать себѣ преемника, а также, въ случаѣ желанія, и отмѣнять таковое назначеніе». Это положеніе оставалось въ силѣ въ теченіи цѣлаго столѣтія и висѣло, какъ Дамокловъ мечъ, надъ главою всякаго владѣтеля трона. Завладѣвшіе престоломъ временщики постоянно дрожали передъ соучастниками своего величія, предъ своими фаворитами и своими собственными дѣтьми, которые, при помощи придворныхъ заговоровъ, всегда могли свергнуть ихъ съ высоты престола и потопить въ собственной крови.

Когда Елизавета Петровна, или, какъ Зугенгеймъ ее называетъ: «наираспутнѣйшая изъ женщинъ, когда либо носившихъ корону», въ 1741 г., съ помощью удавшейся дворцовой революціи, достигла

трона, она немедленно позаботилась, съ цѣлью болѣе прочнаго обезпеченія за собой короны, назначить себѣ преемника. Своего же предшественника, малолѣтняго царя Ивана Антоновича, со всей его родней, она заключила въ тюрьму, гдѣ всѣ они погибли. И хотя у ней и было довольно дѣтей, изъ коихъ многія происходили отъ ея официальныхъ любовниковъ: Разумовскаго и Салтыкова, — остальные же приходились на долю стройныхъ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми извращенная въ половомъ отношеніи Елизавета устраивала въ петербургскихъ казармахъ неподдающіяся описанію оргіи, — однако она не рѣшилась кого либо изъ этихъ бастардовъ назначить себѣ въ преемники, и сочла за болѣе разумное объявить наслѣдникомъ своего племянника, 14-ти лѣтняго герцога Петра Гольштейнскаго. Она привезла его въ Петербургъ и дала ему воспитаніе при дворѣ, надѣясь этимъ болѣе упрочить за нимъ права на русскій престоль, на который могли покунуться ея многочисленные любовники.

Чтобы еще болѣе имѣть гарантіи въ обезпеченіи за собой трона, Елизавета рѣшила 17-ти лѣтняго наслѣдника сочетать бракомъ съ какой нибудь принцессой и тѣмъ самымъ дать святой Руси надежду на болѣе спокойное будущее. Принцессой-невѣстой, послѣ долгихъ и тревожныхъ исканій, явилась, наконецъ, знакомая уже читателю «Фикхенъ», любимица и протезе Фридриха Прусскаго. Долго медлить не было въ планахъ Елизаветы, и потому, лѣтомъ

1745 г., состоялось бракосочетаніе 17-ти лѣтняго Петра съ 14-ти лѣтней Фикхенъ. Это по истинѣ былъ замѣчательный бракъ:

Великій князь Петръ былъ уродливый, болѣзненный полуидіотъ, который уже на 11 году отъ роду научился отъ своихъ лакеевъ употребленію спиртныхъ напитковъ. Злопамятный, упрямый и лживый, съ познаніями, равнявшимися нулю, онъ жилъ постоянно въ обществѣ своихъ лакеевъ, съ которыми онъ напивался до безпамятства и съ которыми, до 20 лѣтъ, продолжалъ играть въ куклы и разставлять оловянные солдаты; отъ нихъ же онъ получалъ и всѣ свѣдѣнія о государственныхъ, семейныхъ и придворныхъ дѣлахъ. Ставъ супругой, несчастная генераль-маіорская дочь скоро замѣтила, въ какое ужасное семейное положеніе поставили ее ея благодѣтели. Два дня спустя послѣ знакомства со своей невѣстой, полумный Петръ безъ всякой застѣнчивости сообщилъ ей, что онъ влюбленъ въ фрейлину Лопухину, на которой и намѣревался жениться, но, уступая просьбамъ своей тетки-императрицы, онъ жертвуетъ собой и пойдетъ къ алтарю съ Екатериной.

Черезъ четырнадцать дней послѣ свадьбы, онъ уже былъ влюбленъ въ фрейлину Карръ, которая, по его словамъ, значительно превосходила по красотѣ Екатерину.

Но не для того, чтобы быть «счастливой супругой», прибыла Екатерина въ Россію. Ни на одинъ

моментъ она не забыла роли, какую ей назначилъ властелинъ, ея отецъ, и объ этомъ Екатерина съ удивительной откровенностью говорить въ своихъ мемуарахъ: «я чувствую въ глубинѣ моего сердца что-то тайное, что меня заставляетъ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я буду властительницею Россіи въ самомъ обширномъ значеніи этого слова». Однимъ словомъ, она съ самаго начала рѣшилась измѣнить тому, которому клялась въ вѣрности и любви, чтобы украсть себѣ права для неограниченной власти.

Съ перваго же времени брака, супруги ничего не имѣли общаго между собою, и каждый шелъ своей собственной дорогой. Петръ продолжалъ пить и забавляться оловянными солдатиками, обучать лакеевъ военнымъ артикуламъ по прусскому образцу, бить своихъ собакъ и волочиться за придворными дамами; Екатерина же стала серьезно готовиться къ будущей роли, которую ей уже теперь предвѣщало ея чуткое сердце. Но не легко ей было справляться съ своей задачей; хитрая и подозрительная Елизавета рано прозрѣла ея планы и слѣдила за ней неустанно, боясь, чтобы честолюбивая и хитрая Цербстка не спихнула ее самое въ одинъ прекрасный день съ трона, какъ однажды Елизавета, не смотря на всю свою неправоту, свергла съ престола Ивана Антоновича со всей его брауншвейгской кликой.

Окруженной полицейскими шпионами, молодой карьеристкѣ ничего не оставалось, какъ углубиться

въ чтеніе и почерпать изъ книгъ тѣ поверхностныя научныя знанія, которыя впослѣдствіи заслоняли отъ взоровъ жестокое сердце этой распутницы.

Но молодая и жизненная натура Екатерины не долго могла находить утѣшеніе въ книгахъ, и скоро она нашла себѣ болѣе реальное и дѣйствительное времяпрепровожденіе. Еще будучи невѣстой, она уже успѣла высмотрѣть красиваго молодого пажа своего жениха, Андрея Чернышева, который послѣ свадьбы находился уже въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ новобрачною. Но шпіоны Елизаветы скоро замѣтили отношенія Чернышева къ молодой наслѣдницѣ, и послѣдній немедленно былъ переведенъ изъ Петербурга въ одинъ провинціальный полкъ, а Екатерина получила, какъ бы въ надзирательницы, камеръ-даму Щоглокову, которая славилась своими супружескими добродѣтелями и которая должна была наставлять молодую Екатерину. Но и этотъ феноменальный примѣръ супружеской вѣрности при всеобщей развращенности и распущенности не могъ быть продолжительнымъ и, какъ повѣствуетъ исторія, в-жа Щоглокова въ одинъ прекрасный день, или лучше сказать вечеръ, стала жертвой того же демона, который царилъ въ то время въ стѣнахъ дворца. Не удивительно поэтому, что и горячая кровь Екатерины скоро вновь заволновалась, и скоро нашелся смѣлый рыцарь, который безъ большаго труда взялъ плохо защищенную крѣпость! Этотъ храбрый рыцарь былъ никто иной, какъ Сергѣй Салтыковъ,

камергеръ Петра, къ которому сердце Екатерины разгорѣлось пылкою и продолжительною любовью.

Сергѣй Салтыковъ.

Бракъ Екатерины съ Петромъ въ теченіи первыхъ лѣтъ оставался бездѣтнымъ. И скоро выяснилось, что Петръ, въ силу физическаго недостатка, лишень возможности имѣть потомство. Принимались для устраненія недуга всевозможныя средства, но ни одно изъ нихъ не имѣло успѣха; пока, наконецъ, не было рѣшено подвергнуть царевича хирургической операціи на подобіе той, какую умѣетъ исполнить любой раввинъ, лишь съ тою разницею, что вмѣсто раввина исполнителемъ ея былъ самъ Сергѣй Салтыковъ, который особенно заботился о потомствѣ Петра; но и этотъ хирургическій актъ остался безрезультатнымъ. Екатерина же и Салтыковъ къ этому времени дошли до той степени интимности, что первая безъ опасеній могла повѣдать своему любовнику свои тайные замыслы, которые честолюбивый Салтыковъ вполне раздѣлялъ. Оставалось лишь разувѣрить полуумнаго Петра въ его половой неспособности, дабы все, что должно было потомъ явиться на свѣтъ отъ его супруги, не было имъ принято не на его счетъ. Однимъ словомъ, требовалось подготовить Петра съ честью носить тѣ рога, которые собирались наставить ему Екатерина и Салтыковъ.

Когда Екатерина была недалеко отъ разрѣшенія отъ бремени, она и Салтыковъ съумѣли склонить на

свою сторону канцлера Бестужева, который долженъ былъ подготовить Елизавету къ рожденію новаго царскаго отпрыска, причемъ, какъ выразился Бестужевъ на докладѣ у Елизаветы, «и государственная мудрость, и опытность заставляютъ признать законность того ребенка, котораго великая княгиня Екатерина на дняхъ должна родить; послѣдняя и «замѣститель Петра» скорѣе заслуживаютъ благодарность, нежели кару, такъ какъ они обезпечиваютъ монархіи въ грядущемъ строгій порядокъ въ престолонаслѣдіи, а это повлечетъ къ внутреннему миру». Елизавета, погрязшая въ грубыхъ чувственныхъ развлеченіяхъ, не вдавалась въ разборъ этой удивительной морали канцлерскихъ взглядовъ и 1 октября 1754 г. съ большимъ торжествомъ праздновала рожденіе великаго князя Павла, основателя въ Россіи Салтыковской династіи, продолжающейся по сей день.

Извѣстные мемуары Екатерины II, которые тридцать лѣтъ тому назадъ были опубликованы Александромъ Герценомъ и неподдѣльность которыхъ до сихъ поръ никѣмъ еще не была оспариваема, весьма краснорѣчиво и неопровержимо свидѣтельствуютъ объ отношеніяхъ Екатерины къ камергеру ея супруга. Эти же самые мемуары уничтожаютъ послѣдніе слѣды сомнѣнія въ томъ, что Императоръ Павелъ I прямой сынъ Салтыкова; сама Екатерина не старается признать Павла сыномъ своего супруга, Петра, котораго съумѣли, наконецъ, увѣрить въ

этомъ, но она сама приписываетъ его Салтыкову. Еще до рожденія Павла, Екатерина два раза забеременѣла отъ Салтыкова, но оба раза беременность не выдерживалась до конца. Салтыковъ былъ женатъ, и въ послѣдствіи не особенно былъ привязанъ къ Екатеринѣ; по крайней мѣрѣ Екатерина неоднократно жалуется на его холодность къ ней.

Заставимъ Екатерину самое говорить объ столь интересныхъ и важныхъ для исторіи могущественной европейской династіи фактахъ. Екатерина весьма ясно и опредѣленно рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ Салтыковъ обманывалъ бдительность Щоглоковыхъ, приставленныхъ Елизаветою слѣдить за новобрачной парой, послѣ чего онъ безпрепятственно имѣлъ доступъ къ Екатеринѣ. Онъ устраивалъ въ домѣ Щоглоковыхъ концерты и на нихъ ухаживалъ за Екатериной; «на одномъ изъ такихъ вечеровъ», рассказываетъ Екатерина, «онъ объяснилъ мнѣ, почему онъ такъ ухаживаетъ за мной, и когда я его спросила, что онъ себѣ общаетъ отъ знакомства со мной, онъ нарисовалъ передо мной столь же великую, сколь и сладострастную картину величайшаго счастья . . . Онъ былъ красивъ, какъ день, и никто при дворѣ не могъ сравниться съ нимъ въ красотѣ . . . Я сопротивлялась его искушеніямъ въ теченіи всей весны и части лѣта 1752 г. . . . О моемъ мужѣ при всѣхъ подобныхъ встрѣчахъ не было рѣчи. Въ одинъ изъ парадныхъ дней Императрица сказала г-жѣ Щоглоковой, что я оттого не имѣю дѣтей, что

ѣвжу верхомъ на мужской манеръ . . . Щоглокова на это отвѣтила: «дѣтей у нея нѣтъ совсѣмъ по другой причинѣ. Дѣти не могутъ явиться безъ причины на то; и не смотря на то, что наслѣдница живетъ въ бракѣ съ 1745 г., причины къ тому до сихъ поръ не было . . .» — Мнѣ тогда (зимой 1752-53 г.) показалось, что Сергѣй Салтыковъ сталъ менѣе заниматься мною, что онъ разсѣянъ и не сдержанъ. Это огорчало меня, и я замѣтила объ этомъ ему. Онъ привелъ въ самозащиту плохія основанія и увѣрялъ, что я не умѣю оцѣнивать его уваженіе ко мнѣ . . . Я оставила Петербургъ въ Декабрѣ 1752 г. съ различными признаками беременности . . . Мы ѣхали очень быстро, день и ночь . . . По приѣздѣ въ Москву я имѣла преждевременные роды (выкидышъ), наконецъ прибылъ въ Москву и Салтыковъ . . . Мы рѣшили, чтобы уменьшить число его враговъ, увѣрить канцлера Елизаветы, Бестужева, что я теперь болѣе расположена къ нему, чѣмъ это было прежде . . . Мы немедленно рѣшили, что Сергѣй Салтыковъ поѣдетъ къ канцлеру . . . Старикъ принялъ его очень любезно, довѣрчиво бесѣдовалъ съ нимъ по внутреннимъ придворнымъ вопросамъ . . . весьма участливо отнесся къ моему положенію и въ заключеніе прибавилъ: «въ отвѣтъ на благосклонное вниманіе, которымъ почтила меня великая княгиня, я постараюсь оказать ей нѣкоторую услугу, которая, какъ я полагаю, будетъ ей пріятна. Я постараюсь возвратить ей ея прежнюю камеръ-фрейлину Владисла-

вову*), при которой она может дѣлать все, что ей только угодно.» — Однимъ словомъ, Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ Петербурга крайне удовлетвореннымъ. Ему самому Бестужевъ надавалъ также много полезныхъ совѣтовъ. Все это послужило къ тому, что мы вполнѣ стали понимать другъ друга . . . Въ это время Щоглокова, которая постоянно лелѣяла проектъ о престолонаслѣдїи, сказала какъ-то мнѣ: «Послушайте, я хочу серьезно поговорить съ вами. Вы увидите, какъ велика моя любовь къ отечеству и какъ серьезно смотрю я на вещи. Я не сомнѣваюсь, что Вы на когонибудь смотрите съ большимъ предпочтенїемъ. Я предоставляю Вамъ выборъ между Сергѣемъ Салтыковымъ и Леонтиемъ Нарышкинымъ (интимный другъ и повѣренный въ любовныхъ дѣлахъ Салтыкова и Екатерины); если я не ошибаюсь, то это послѣдній.» — «На это», продолжаетъ Екатерина, «я воскликнула: о нѣтъ, нѣтъ, навѣрное нѣтъ!» — «Въ такомъ случаѣ», прибавила Щоглокова, «несомнѣнно другой.» — «Я разыгрывала предъ ней такую простодушную, что она меня бранила неоднократно, какъ въ городѣ, такъ и на дачѣ, куда мы переѣхали послѣ Пасхи. Въ теченїи мая (1753 г.) у меня опять появились признаки беременности . . . Въ день Петра и Павла опять состоялись преждевременные роды на второмъ или третьемъ мѣсяцѣ . . .

*) Владиславова была уже фрейлиной у Екатерины, но за ея преданность послѣдней и любовныя содѣйствїя была удалена Елизаветою.

Въ февралѣ (1754 г.) явились въ третій разъ признаки беременности . . . Намъ предстояло переселиться изъ Москвы въ Петербургъ. Я особенно боялась, чтобы не оставили въ Москвѣ Сергѣя Салтыкова и Леонтія Нарышкина; но, не знаю почему, смилостились, и они попали въ списокъ нашей свиты . . . Моя меланхолія (лѣтомъ 1754 г.) достигла такой степени, что при всякомъ малѣйшемъ поводѣ я плакала. Тысячи опасеній наполняли мое сердце, и я не могла освободиться отъ мысли, что все было направлено исключительно къ тому, чтобы разлучить меня съ Салтыковымъ . . . Эти заботы преслѣдовали меня всюду . . . Я съ большимъ огорченіемъ узнала, что для меня приготовлялись комнаты, находящіяся непосредственно за покоями императрицы . . . Наконецъ, 20 сентября (1 октября по нов. стилю) я разрѣшилась сыномъ. Великій князь пьянствовалъ со своими пріятелями, Императрица занималась ребенкомъ. Обо мнѣ не заботились вовсе, я все время плакала и стонала. Въ городѣ и во всемъ государствѣ ликовали по поводу счастливаго событія . . .

Наконецъ, на семнадцатый день послѣ родовъ, мнѣ объявили, что Сергѣй Салтыковъ посылается въ Швецію для провозглашенія рожденія моего сына. Болѣе, чѣмъ прежде, уединилась я и страдала . . . Я не могла и не хотѣла никого видѣть, я страшно тосковала . . . Къ концу масляницы (1755 г.) Салтыковъ вернулся изъ Швеціи. Теперь было рѣшено

послать его въ качествѣ Россійскаго Повѣреннаго въ Гамбургъ. Это новое распоряженіе усилило мое горе . . . Вернувшись изъ Швеціи, онъ просилъ чрезъ Леонтія Нарышкина, чтобы я придумала подь какимъ либо предлогомъ устроить съ нимъ свиданіе. Я сообщила объ этомъ Владиславовой, и послѣдняя была со мной согласна . . . Я прождала его до трехъ часовъ утра, но онъ не приходилъ: я находилась въ смертномъ страхѣ, не зная, что могло его задержать . . . Мнѣ стало ясно, какъ день, что онъ не явился ко мнѣ исключительно по недостатку вниманія и привязанности, и что онъ нисколько не заботится о томъ, какъ я страдаю изъ привязанности къ нему . . . Я отправила ему письмо, въ которомъ горько жаловалась на его отношеніе ко мнѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ и посѣтилъ меня; ему было очень легко утѣшить меня, ибо я охотно поддавалась его вліянію . . . Къ этому времени я узнала, какъ неосторожно велъ себя Салтыковъ въ Швеціи и Дрезденѣ, гдѣ онъ рассказывалъ свою исторію всѣмъ женщинамъ, съ которыми только встрѣчался.»

Таковъ доподлинный отчетъ самой Екатерины о томъ знаменитомъ скрещеніи, продуктомъ коего явился императоръ Павелъ I, прародитель нынѣ царствующаго Дома. Происхожденіе Павла отъ преступной связи его матери съ камергеромъ Салтыковымъ, впрочемъ, никогда не было въ Россіи тайной.

Извѣстный Кользонъ*) рассказываетъ характер-

*) Colson: „De la Pologne et des cabinets du Nord“, III, 179.

ный случай, какъ однажды объ этомъ было сообщено Николаю I, сыну Павла. Среди декабристовъ, какъ извѣстно, стремившихся устранить отъ правленія Николая I, находился нѣкій полковникъ Муравьевъ. Онъ былъ арестованъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы чрезъ него узнать имена многихъ важныхъ заговорщиковъ, и потому, хотя Николай I далъ ему аудіенцію «съ глазу на глазъ», но тѣмъ не менѣе, военный министръ Чернышевъ и генералы Бенкендорфъ и Адлербергъ присутствовали, находясь за ширмами. Императоръ обѣщалъ Муравьеву полное помилованіе, если онъ выдастъ своихъ соучастниковъ, и при этомъ прибавилъ: «Я, твой властелинъ, обѣщаю тебѣ это торжественно.» — «Что», воскликнулъ обезумѣвшій Муравьевъ, «ты, мой властелинъ? Ты сынъ ублюдка!» — Императоръ впалъ въ такой гнѣвъ, что набросился на скованнаго по рукамъ и по ногамъ Муравьева и нещадно билъ его ногами и кулаками, но Муравьевъ продолжалъ: «Трусъ! Ты и вся твоя порода не Романовы!» На императора нашло настоящее изступленіе, и неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы истязаніе Муравьева, если бы выскочившій изъ-за ширмы Бенкендорфъ не поспѣшилъ увести его.

Что касается супруга Екатерины, Петра, вѣчно пьянаго и занятаго играми съ лакеями, то въ первое время его обморочили очень удачно. Но позднѣе, когда поведеніе его супруги стало болѣе открытымъ и скандальнымъ, онъ нѣсколько прозрѣлъ и сталъ много мнѣнія о происхожденіи «первенца». Австрій-

скій посланникъ Мерси-Арганто рассказываетъ, что со времени вступленія на престолъ, Петръ совершенно не заботился о Павлѣ, который ему всегда былъ антипатиченъ, и онъ конфисковалъ въ свою пользу сумму въ 120 000 рублей, которая была императрицей Елизаветой назначена для Павла. Въ манифестѣ, изданномъ Екатериной тотчасъ по умерщвленіи своего супруга, Петра III, сказано, что Петръ имѣлъ въ виду лишить Павла права на престолъ и что она, какъ и сынъ ея находились у Петра въ большой немилости и держались постоянно вдали отъ двора и правленія.

Графъ Станиславъ Понятовскій.

Сильная натура Екатерины скоро поборола любовную скорбь сердца, и потому скоро нашелся замѣститель невѣрнаго Салтыкова въ лицѣ молодого польскаго графа Станислава Августа Понятовскаго, который въ 1755 г. прибылъ въ Петербургъ въ свитѣ англійскаго посланника Вильямса. «Его внѣшняя красота и любезность въ обращеніи благопріятствовали ему быть въ интимныхъ отношеніяхъ со многими высокопоставленными дамами различныхъ дворовъ,» рассказываетъ объ этомъ безхарактерномъ молодомъ шляхтичѣ историкъ Гельбигъ, «и интимныя отношенія графа къ всероссійской мессалинѣ имѣли столь печальныя послѣдствія для его родины.»

Понятовскій прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ тайнаго политическаго агента Фридриха II

Пруссаго, который желалъ свергнуть саксонскую династію съ польскаго трона и возвести на него родъ Чарторыйскихъ. Однако, Понятовскій, недоумленный Екатериною, скоро самъ возымѣлъ желаніе добиваться польской короны.

Жажущая физической любви Екатерина скоро тѣсно сошлась съ Понятовскимъ, и тотъ самый Леонтій Нарышкинъ, который служилъ посредникомъ въ любовныхъ отношеніяхъ Екатерины и Салтыкова, и теперь занялъ этотъ унижительный постъ, и у сестры его встрѣчалась по ночамъ Екатерина со своимъ польскимъ любовникомъ. «Подъ предлогомъ головной боли,» пишетъ Екатерина въ своихъ дощизма откровенныхъ мемуарахъ: «я ложилась рано спать. И когда мадамъ Владиславова, уложивъ меня, удалялась въ свою комнату, я немедленно вставала и одѣвала съ ногъ до головы мужскую одежду. Въ опредѣленный часъ, чрезъ покои великаго князя приходилъ Леонтій Нарышкинъ и начиналъ мяукать около моей спальни: я отворяла ему дверь. Затѣмъ никѣмъ незамѣченные садились мы въ его экипажъ и всю дорогу смѣялись до слезъ надъ тѣми, кого мы такъ ловко водили за носъ. У сестры Нарышкина насъ ожидалъ графъ Понятовскій. Большею частью я оставалась въ квартирѣ Нарышкиной около полутора часовъ и затѣмъ ѣхала домой. Нѣсколько времени спустя Нарышкинъ предложилъ встрѣчаться у меня, и ему удалось доставлять гостей никѣмъ незамѣченными въ мои

покои. Такъ начался 1756 годъ. Намъ очень нравились эти тайныя встрѣчи, которыя бывали два, три раза и болѣе въ недѣлю, то у меня, то у Нарышкиной . . .»

Вскорѣ Понятовскій, вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ, былъ вынужденъ оставить Петербургъ, но его отсутствіе продолжалось не долго, и ему удалось снова вернуться на берега Невы, но на этотъ разъ уже не шпиономъ Фридриха, а польскимъ посланникомъ при російскомъ дворѣ.

Нечего и говорить, что Понятовскій немедленно возобновилъ свои прежнія отношенія къ Екатеринѣ и въ ея объятіяхъ совершенно забылъ обязанности по отношенію своего отечества. Съ удивительной беззаастѣнчивостью описываетъ Екатерина «оффиціальныи» пріемъ новаго польскаго посланника и его секретаря, графа Горна: «Когда мы трое вошли въ мой кабинетъ,» пишетъ Екатерина, «намъ выбѣжала на встрѣчу моя маленькая болонка и стала немилосердно лаять на графа Горна, но когда она увидѣла Понятовскаго, то мнѣ казалось, что она сойдетъ съ радости съ ума . . . Графъ Горнъ дернулъ Понятовскаго за фракъ и сказалъ: «мой другъ, самое ужасное — это болонская собаченка; когда я любилъ женщину, то я первымъ долгомъ дарилъ ей такую собачку, и чрезъ это я всегда зналъ, стоялъ ли кто-либо къ моей любовницѣ ближе, чѣмъ я. Несомнѣнно, животное видитъ васъ не впервые, но будьте увѣрены, что я буду молчать объ этомъ.»

До 1759 г. графъ Понятовскій оставался на посту польскаго посланника, оставаясь въ то же время «интимнымъ другомъ» Екатерины. Осенью 1758 г. она родила дочь. Но теперь Петръ уже не былъ столь легковѣренъ насчетъ своего потомства. «Богъ знаетъ,» сказалъ онъ при этомъ: «отъ кого явилась эта дѣвочка, на себя принять я этого ребенка не могу.»

Подобное проявленіе сознанія въ Петрѣ нагнало на его супругу немалый страхъ, «и съ этого момента», пишетъ Екатерина: «мнѣ стало ясно, что мнѣ предстоитъ погибнуть или съ мужемъ, или отъ мужа, а съ другой стороны передъ мной мелькала возможность спасти самое себя и ребенка, а въ благопріятномъ случаѣ быть можетъ и государство... Поэтому я рѣшила выставить себя предъ народомъ въ такомъ свѣтѣ, чтобы онъ смотрѣлъ на меня, какъ на спасительницу . . .» Иначе говоря: сначала измѣна и прелюбодѣяніе, затѣмъ государственный переворотъ.

Въ одеждѣ музыканта или парикмахера посѣщала роженицу Понятовскій, и, какъ отзывается объ этихъ посѣщеніяхъ Екатерина, они отличались большимъ разнообразіемъ и веселіемъ. Когда же въ покой являлись адъютанты Елизаветы, чтобы справиться о здоровьи больной, Понятовскій скрывался за портьеры. Ребенокъ былъ немедленно удаленъ отъ матери, которая была занята совершенно посторонними вещами, и прожилъ всего два года.

Вскорѣ посѣщенія Понятовскаго стали извѣстны императрицѣ, и ему пришлось проститься съ Петрополемъ. Вотъ какъ произошло это дѣло по свидѣтельству Гельбига.

Переодѣтый циркульникомъ, Понятовскій скитался около дворца великой княгини въ Ораніенбаумѣ. Объ этомъ извѣстили Петра, который встрѣтилъ циркульника очень свирѣпо и велѣлъ его арестовать. Когда арестованнаго привели на допросъ къ Петру, тутъ же находился графъ Браницкій, который по окончаніи допроса пинками вытолкнулъ Понятовскаго за дверь. Петръ при этомъ смѣялся до слезъ. Случай этотъ дошелъ до Елизаветы, и карьерѣ Понятовскаго въ Россіи былъ навсегда положенъ конецъ.

Но и на этотъ разъ не суждено было прекратиться навсегда связи Екатерины съ Понятовскимъ. Хотя на время на ложѣ любви появился новый замѣститель, но скоро международная политическая игра снова свела Екатерину съ Понятовскимъ.

Послѣ влочастнаго для Польши договора Фридриха II и Екатерины, состоявшагося 11 апрѣля 1764, между обоими властелинами былъ заключенъ особый секретный договоръ, по которому отнятая у короля Фридриха Августа II корона должна была перейти къ прежнему любовнику Екатерины, графу Понятовскому.

Не потому былъ избранъ для сей великой чести Станиславъ Понятовскій, что онъ былъ особенно

дорогъ Екатеринѣ, а потому лишь, что она имѣла въ виду воспользоваться имъ и извлечь изъ несчастнаго Сарматскаго королевства свою личную выгоду.

«Понятовскій,» говоритъ Зугенгеймъ, «былъ не только женолюбивый, безхарактерный субъектъ, но онъ въ то же время былъ измѣнникомъ и предателемъ отчизны и помогалъ Екатеринѣ въ ея преступныхъ замыслахъ противъ его родины.»

Избраніе Понятовскаго на Польскій престолъ, состоявшееся подъ непосредственнымъ давленіемъ русскихъ штыковъ, было прелюдіей къ случившемуся восемь лѣтъ спустя раздѣлу могучаго государства, которое обязано своей гибелью единственно честолюбивой и ненасытной блудницѣ, прикрывавшейся всѣми добродѣтелями и не имѣвшей ни одной изъ нихъ.

Григорій Орловъ.

Съ удаленіемъ Понятовскаго въ жаждущемъ любви сердцѣ Екатерины появилась тягостная пустота, которая по возможности скоро должна была быть заполнена. И вотъ въ лицѣ безнравственнаго и распутнаго, лишеннаго всякаго внѣшняго воспитанія Григорія Орлова и явился тотъ молодчикъ, которому было суждено приглянуться Екатеринѣ. По своему образу жизни и разнузданному характеру, Орловъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ безпутному складу этой ненасытной мессалины, не-

жели его предшественники, которые до известной степени отличались хотя внѣшнимъ благородствомъ.

Орловъ жилъ въ то время недалеко отъ Зимняго Дворца, и на его обязанности лежало слѣдить за прусскимъ генераломъ, графомъ Шверинимъ, взятымъ русскими въ плѣнъ при Цорндорфѣ и жившемъ въ Петербургѣ. О первомъ знакомствѣ Орлова съ Екатериною Зугенгеймъ рассказываетъ слѣдующее:

«Послѣ одной изъ непріятныхъ семейныхъ сценъ съ Елизаветой и Петромъ, Екатерина въ разсѣяніи растворила окно и хотѣла смотрѣть на Неву, но ея первый взглядъ упалъ на Орлова. Съ этого момента судьба его была рѣшена. Видъ красиваго молодаго человѣка, какъ электрическая искра, коснулся Екатерины и зажегъ въ ненасытной сладострастницѣ животную похоть . . . Григорій, сознавая въ себѣ всѣ качества хорошаго любовника, сразу понялъ въ чемъ дѣло и, какъ знатокъ любовныхъ дѣлъ, повелъ эту интригу столь успѣшно, что чрезъ нѣсколько дней уже пожиналъ лавры въ объятіяхъ Екатерины . . . Подъ прикрытіемъ ночи въ квартирѣ Орлова происходили встрѣчи любовниковъ, о которыхъ день ничего не зналъ.»

Такимъ образомъ супруга наследника престола спустилась до любовницы преданнаго пьянству и шулерству артиллерійскаго лейтенанта, известнаго всему Петербургу по своимъ дракамъ и скандаламъ на улицахъ. Скоро она познакомилась и съ братьями Орлова: Иваномъ и Алексѣемъ, такими же раз-

нужданными шалопаями, какъ и Григорій, и ихъ маленькій домикъ на Морской сталъ вертепомъ для самыхъ гнуснѣйшихъ и противуестественныхъ оргій. Извѣстно, что Екатерина не удовлетворялась однимъ Григоріемъ, и потому его братъ, Алексѣй, также имѣлъ счастье активно служить этой высокой особѣ.

Все бы шло отлично, но бѣда была въ томъ, что Екатерина въ финансовомъ отношеніи находилась въ большой зависимости отъ императрицы Елизаветы, которая по отношеніи къ Екатеринѣ не отличалась большой щедростью, а потому послѣдняя не была въ состояніи удовлетворять легкомысленнымъ и непомѣрнымъ расходамъ расточительныхъ братьевъ Орловыхъ. Вслѣдствіе сего Орловы за деньги весьма легко склонялись на всякія злодѣйства и заговоры и скоро вошли въ тайныя соглашенія съ Екатериной насчетъ исполненія ея завѣтныхъ плановъ.

«Съ этого времени квартира Орловыхъ,» говоритъ Гельбигъ, «въ другое время бывшая ареной грубыхъ чувственныхъ удовольствій, стала вертепомъ для всякихъ заговоровъ.»

Орловы взяли на себя роль, постепенно готовить гвардейцевъ къ тому, чтобы завладѣть трономъ и укрѣпить оный за Екатериной. Но такъ какъ исполненіе такого серьезнаго плана требовало большихъ денежныхъ средствъ, то и было рѣшено достать для Григорія Орлова мѣсто главнаго казначея артиллеріи, которое въ то время, по счастливой

случайности, было вакантнымъ. Генераль Пурпуръ, отъ котораго зависѣло назначеніе казначея, сначала ни подъ какимъ видомъ не соглашался довѣрить столь большія суммы денегъ пользовавшемуся крайне плохой репутаціей Григорію Орлову, но когда онъ узналъ, что великая княгиня хлопочетъ за Орлова, онъ измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе и утвердилъ Орлова.

Съ награбленными изъ государственной казны деньгами энергично приступили къ выполненію гнуснаго плана. При помощи небольшихъ денежныхъ подарковъ въ войскѣ питался и поддерживался духъ неудовольства къ правительству. Особенно успѣшно подготовлялся къ революціи Измайловскій полкъ, командиръ котораго былъ пріятелемъ Екатерины.

Въ декабрѣ 1761 умерла Елизавета Петровна при ужасныхъ боляхъ, которыя были слѣдствіемъ непомѣрныхъ злоупотребленій половыми удовольствіями.

На престолъ вступилъ племянникъ ея, Петръ III, и соучастники Екатерины немедленно хотѣли приступить къ исполненію созданнаго ею «государственнаго плана». Въ лицѣ гвардейскаго офицера Пассека былъ найденъ тотъ субъектъ, который долженъ былъ вонзить кинжалъ въ грудь злосчастнаго Петра III. Но предусмотрительная Екатерина не торопилась, ибо для полнаго успѣха дѣла надлежало предварительно совершиться «радостному событію», которое ей помогъ устроить Григорій Орловъ. Въ четвертый

мѣсяць правленія Петра III (въ апрѣлѣ 1762 г.) совершилось это событіе: Екатерина подарила Россіи, которая отъ нея уже получила маленькихъ Салтыкова и Понятовскую, еще маленькаго Орлова, появленіе котораго, по устраненіи отъ правленія Петра III, могло быть встрѣчено подданными менѣе благосклонно. Ей же хотѣлось предстать предъ народомъ въ полной своей физической красотѣ и граціи. Во время беременности она никуда не показывалась, распространяла слухи, что Петръ отстраняетъ ее отъ двора и собирается заточить въ монастырь; выжидая время, она сидѣла дома, управляла заговоромъ и лечилась отъ мнимой «болѣзни ногъ», которая окончилась рожденіемъ Орлова. Роды были обставлены столь мастерски секретно, что никто ничего о нихъ не зналъ. Въ ночь, когда начались потуги, по заранѣ созданному плану, камердинеръ Екатерины Шкуринъ поджегъ на окраинѣ города казенный баракъ. Это было сдѣлано для того, чтобы удалить на время изъ дворца Петра, который, какъ извѣстно, не пропускалъ ни одного пожара. Такъ случилось и теперь; пока онъ наслаждался зрѣлищемъ горящаго барака, супруга его разрѣшалась отъ бремени. Немедленно послѣ родовъ младенца удалили; тотъ-же Шкуринъ отвезъ его къ своимъ роднымъ, которые хранили и воспитывали младенца, ставшаго впоследствии еще болѣе достойнымъ распутникомъ, чѣмъ его почтенные родители. Если вѣрить историку Кастера, біографу Екате-

рины II, то весь этот маневръ съ «сокрытіемъ концовъ» не вполнѣ удался, и Петръ въ самый послѣдній моментъ былъ увѣдомленъ о рожденіи «сына»; онъ немедленно отправился въ покои Екатерины, но придя туда засталъ ее сидящей на диванѣ и уже излеченной отъ «недуга въ ногахъ», длившагося нѣсколько мѣсяцевъ.

Убіеніе Петра III и завладѣніе трономъ.

Не слѣдуетъ удивляться, что даже столь тупоумный и близорукій человѣкъ, какимъ былъ Петръ, потерялъ наконецъ всякое терпѣніе и сталъ открыто противъ своей супруги. Чтобы не осудить тутъ Петра, надо помнить, что поведеніе Екатерины съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе откровеннымъ. Несомнѣнно, и самъ Петръ былъ не безъ грѣха; подчиняясь общему духу «легкости нравовъ», какой царилъ въ прошломъ вѣкѣ при всѣхъ дворахъ, онъ также развратничалъ и не былъ вѣренъ своей супругѣ, но въ сравненіи съ тѣми «классическими излишествами въ половой сферѣ», какими отличались Екатерина и ея «пріятели», Петръ являлся ангеломъ скромности и невинности.

Петръ получилъ извѣстіе о кровавыхъ замыслахъ противъ него еще въ маѣ 1762 г. и издалъ даже приказъ арестовать Екатерину, причемъ онъ намѣревался развестись съ ней и обвиняться съ графиней Елизаветой Воронцовой, съ которой онъ уже долгое время былъ въ связи, но по своей безхарактерности

онъ скоро отмѣнилъ это распоряженіе и тѣмъ самымъ самъ ускорилъ свою погибель. Случай съ Пассекомъ особенно заставилъ поторопиться заговорщиковъ. Пассекъ долженъ былъ исполнить кровавое дѣло въ Ораніенбаумѣ, но наканунѣ въ пьяномъ видѣ проболтался, былъ выданъ своимъ же сослуживцемъ и по приказанію Петра арестованъ. Петръ не хотѣлъ немедленно начать слѣдствіе и отложилъ дѣло до осени. Теперь медлить было уже совершенно невозможно, и Орловы, управлявшіе всѣмъ этимъ омерзительнымъ дѣломъ, рѣшили дѣйствовать.

Въ ночь на 28 іюня, пока Григорій Орловъ вѣдствовалъ въ Петербургѣ съ нѣкіемъ Перфильевымъ, приставленнымъ Петромъ для надзора за братьями Орловыми, Алексѣй Орловъ поскакалъ въ Петергофъ во дворецъ Екатерины, которую онъ вытащилъ изъ постели, посадилъ въ заранѣе приготовленную крестьянскую телѣгу и привезъ прямо въ казарму Измайловскаго полка, гдѣ уже все было подготовлено къ возстанію.

Отсюда, во главѣ измайловцевъ, Екатерина направилась въ Казанскій Соборъ, гдѣ и заставила себя чувствовать самымъ торжественнымъ образомъ. Здѣсь она передъ святымъ алтаремъ совершила новое преступленіе: вмѣсто того, чтобы, какъ требовало постановленіе того времени, провозгласить на царство Павла, сына своего, а себѣ присвоить лишь титулъ регентши, она съ согласія своихъ главныхъ соучастниковъ провозгласила себя Самодержавной

Императрицей всей Руси, на что она не имѣла ни малѣйшаго права.

Чтобы не вызывать волненій въ народѣ, заговорщики распространили по городу слухъ, что несчастный Петръ упалъ въ Ораніенбаумѣ съ лошади и при этомъ такъ несчастливо, что остался на мѣстѣ мертвымъ.

На самомъ же дѣлѣ Петръ еще жилъ, не подзрѣвая бѣды, въ своемъ Ораніенбаумскомъ дворцѣ. Немедленно послѣ возмутительнаго и наглаго обмана, разыграннаго въ Казанскомъ Соборѣ, Екатерина и ея сообщники, во главѣ Преображенскаго полка, отправились въ Ораніенбаумъ. Екатерина скакала во главѣ гвардейцевъ въ генеральскомъ мундирѣ и лосинахъ, сидя на сѣдлѣ на мужской ладъ.

Узнавъ о бѣдѣ, Петръ хотѣлъ спастись бѣгствомъ въ Кронштадтъ, но всѣ суда, могшія оказать ему въ этомъ услугу, оказались въ рукахъ заговорщиковъ. Петръ былъ схваченъ и долженъ былъ подписать актъ отреченія отъ престола. Отсюда его вмѣстѣ съ его любовницей, графинею Воронцовой, привезли въ Петергофъ, гдѣ онъ въ слезахъ молилъ заговорщиковъ не разлучать его по крайней мѣрѣ съ возлюбленной.

Но и эта просьба не была уважена; его подъ конвоемъ отвезли въ замокъ Ропшу, расположенный въ нѣсколькихъ часахъ отъ Петергофа, гдѣ онъ и прожилъ пять дней узникомъ. Послѣдней его прось-

бой было оставить ему его слугу, негра Нарцисса, любимую собаку и скрипку.

5 іюля 1762 г. былъ совершенъ тотъ кровавый актъ, который покончилъ съ жизнью послѣдняго отпрыска изъ дома Романовыхъ. Его совершилъ Алексѣй Орловъ съ шайкой такихъ же злодѣевъ, какъ и Екатерина и его братья.

Событія въ Ропшѣ до сихъ поръ не были еще вполне выяснены. Княгиня Дашкова, наиболѣе посвященная въ это гнусное дѣло, неоднократно выражалась, что кровавый актъ совершенъ рукою Алексѣя Орлова.

Гельбигъ также рассказываетъ, что Алексѣй Орловъ набросился на Петра, но когда тотъ сталъ умолять и сопротивляться, онъ разжалобился и выбѣжалъ на террасу, дѣло же докончили уже его соучастники. Покончивъ съ Петромъ, Алексѣй Орловъ немедленно поскакалъ въ Петербургъ къ Екатеринѣ, которая приняла извѣстіе о смерти супруга съ дѣвльскимъ спокойствіемъ, какое только возможно при томъ желѣзномъ и безсердечномъ характерѣ, какимъ обладала эта женщина.

Тотъ же самый Гельбигъ добавляетъ, что когда Алексѣй Орловъ выбѣжалъ изъ дворца, остальные злодѣи набросились на Петра и стали душить его подушками; завязалась отчаянная борьба, во время которой князь Бярятинскій схватилъ салфетку, сдѣлалъ изъ нея петлю и набросилъ ее на шею несчастной жертвѣ. При этомъ нѣсколько злодѣевъ ухватили

за ноги и руки несчастнаго и, такимъ образомъ обезоруживъ жертву, дали возможность барону Энгельгардту затянуть петлю.

Курьеръ Екатерины, который въ качествѣ пассивнаго зрителя присутствовалъ при этой операцин, увѣрялъ, что онъ никогда въ жизни не слыхалъ подобнаго ужаснаго крика и стопа. Два рядовыхъ, помогавшихъ въ этомъ дѣлѣ и не отличавшихся сдержанностью въ словахъ, были, для виду, произведены въ офицеры, посланы въ провинцію и тамъ умерщвлены.

Но не смотря на разныя мѣры предосторожности, все дѣло не осталось тайной. Особенно полно доказано участіе въ немъ Екатерины. Такъ напр., французскій дипломатъ Бретель (Breteuil) послалъ немедленно послѣ задушенія Петра слѣдующую депешу своему правительству: «Какое ужасное явленіе и какой примѣръ для народа, если послѣдній только способенъ отнестись къ событіямъ хладнокровно! Съ одной стороны внукъ Петра I свергнуть съ трона и умерщвленъ; съ другой — внукъ царя Ивана*) страдаетъ къ оковахъ въ заточеніи. При этомъ принцесса Ангальтъ-Цербстская завладѣла короной предковъ Петра I и Ивана и убіеніемъ императора-мужа достигла трона!»

Официально народъ узналъ о смерти Петра

*) Какъ извѣстно, царь Иванъ Антоновичъ былъ лишенъ престола Елизаветою, которая заточила его въ крѣпость Шлиссельбургъ, гдѣ послѣдній страдалъ въ это время.

7 іюля 1762 г. изъ манифеста самозванной императрицы, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что Петръ III скончался скоропостижно отъ недуга, который его одерживалъ уже нѣсколько разъ въ теченіи жизни. Въ частномъ же письмѣ къ своему бывшему фавориту, Понятовскому, у ней хватаетъ наглости, умалчивая о настоящей причинѣ смерти, называть эту болѣзнь «гемороидальными коликами».

Похороны Петра были очень скромны; Екатерина на нихъ не присутствовала.

Опубликованіе кроваваго дѣла въ Ропшѣ совершилось по слѣдующей случайности. Нѣкто Рулье, служившій секретаремъ при французскомъ посольствѣ, написалъ какъ очевидецъ довольно обширное сочиненіе о Екатеринѣ и ея пособникахъ. Свободо-мыслящій Дидро, которому Рулье предложилъ изданіе этого сочиненія, на сей разъ, подкупленный Екатериною, оказалъ препятствіе печатанію сочиненія Рулье и благодаря ему же русскому посольству въ Парижѣ удалось купить манускриптъ Рулье вмѣстѣ съ правами на изданіе его. И такимъ образомъ опубликованіе манускрипта было задержано до смерти его автора.

Празднованіе побѣды.

Устранивъ несчастнаго Петра съ дороги, Екатерина стала милостиво и необыкновенно щедро надѣлять своихъ помощниковъ всякими наградами, причемъ, конечно, львиная доля досталась братьямъ

Орловымъ, которые немедленно перетасили въ Петербургъ всю свою родню и снабдили ее общественными средствами. Григорій Орловъ дошелъ до такого нахальства, что на первомъ придворномъ раутѣ позволилъ себѣ усѣстья рядомъ съ Екатериной, а вскорѣ затѣмъ, когда многіе генералы явились въ Петергофъ, чтобы поздравить Екатерину съ восшествіемъ на престоль, молодой артиллерійскій лейтенантъ встрѣчалъ своихъ военныхъ начальниковъ сидя, извиняясь тѣмъ, что онъ де «отшибъ ногу»! Подобныхъ немногихъ примѣровъ было достаточно, чтобы всѣ поняли, какое положеніе занимаетъ Орловъ, что онъ именно исполнялъ нынѣ ту роль оффиціального сутенера, съ которой со временъ Анны и Елизаветы были сопряжены высшія государственныя должности.

Конечно, теперь уже старымъ генераламъ пришлось кланяться молодому лейтенанту, на котораго чины и знаки отличія посыпались градомъ. Чтобы находиться въ непосредственной близости императрицы, ему разрѣшено было жить въ Зимнемъ Дворцѣ; онъ получилъ ключъ камергера и орденъ Александра Невскаго, былъ возведенъ въ графское достоинство и зачисленъ одновременно: генераль-адъютантомъ, генераль-директоромъ фортификаціи и командиромъ Конно-Гвардейскаго полка и, наконецъ, генераль-фельдцейхмейстеромъ и президентомъ новаго суда. Долгое время онъ былъ единственнымъ лицомъ въ Россіи, которое имѣло право носить въ

петлицѣ портретъ Екатерины, осыпанный крупными брилліантами. Ему были дарованы дворець въ Петербургѣ, казенныя угодья съ дворцами въ Гатчинѣ и Ропшѣ, а также безчисленныя помѣстья во всѣхъ частяхъ обширной Россіи съ сотнями тысячъ крѣпостнаго народа. Съ его угодій и съ доходовъ и грабежей изъ государственной казны въ карманы Орлова текли многіе милліоны рублей. Его власть была во всемъ равной императорской, и «либеральный» въ то время австрійскій императоръ Іосифъ считалъ за особую честь пожаловать его титуломъ германскаго князя. Нечего и говорить, что братья, племянники и вся орловская родня пошли съ этихъ поръ въ гору.

Алексѣй Орловъ также былъ возведенъ въ графское достоинство, пожалованъ всѣми высокими орденами, назначенъ генераль-адъютантомъ императрицы и позже, въ 1772 году, во время турецкой войны командовалъ въ качествѣ генераль-адмирала всѣмъ русскимъ флотомъ.

Но такъ какъ онъ столько же смыслилъ въ военноморскомъ дѣлѣ, сколько свинья въ апельсинахъ, то и не удивительно, что перестрѣлялъ на цѣлыя милліоны пороха, не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе о тѣхъ громадныхъ суммахъ денегъ, которыя поглощались имъ, достаточно сказать, что не смотря на свою поразительную расточительность, онъ всетаки оставилъ 5 000 000 рублей

наличными деньгами, нѣсколько усадебъ и 32 000 крѣпостныхъ людей.

Старшій братъ, Иванъ Орловъ, былъ скромнѣе своихъ братьевъ и ограничился графскимъ титуломъ, нѣсколькими доходными имѣніями и годовой пенсіей въ 200 000 рублей. Четвертый братъ, Федоръ Орловъ, во время убіенія Петра былъ еще кадетомъ, «но не смотря не это», говоритъ въ своихъ запискахъ Гельбигъ, «и онъ былъ не мало награжденъ за тѣ услуги, которыя его три старшіе брата оказывали матушкѣ Русской земли.» Онъ скоро достигъ генерала en chef, камергера и кавалера различныхъ высокихъ орденовъ и сталъ обладателемъ множества крестьянскихъ душъ.

Наконецъ, пятый и самый младшій отпрыскъ орловской семьи, Владиміръ, воспитывался Екатериною какъ настоящій князь, былъ посланъ на казенный счетъ съ «ученой цѣлью» за-границу и послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ былъ назначенъ директоромъ академіи наукъ. Его годовой доходъ простирался до 130 тысячъ рублей, причемъ Гельбигъ говоритъ, «что онъ былъ менѣе пожалованъ богатствами, нежели его братья.»

Щедро были награждены чинами и угодьями и всѣ прочіе родственники Орловыхъ.

Вышеупомянутый Пассекъ, кровожадный и безстыдный субъектъ, былъ пожалованъ, кромѣ безчисленныхъ подарковъ и громадной ежегодной пен-

сім, титуломъ генераль-губернатора, что давало ему неисчислимыя доходы и громадную власть. Тягловъ, которому удалось склонить къ заговору командира л. гв. измайловскаго полка, былъ произведенъ въ тайныя совѣтники, назначенъ сенаторомъ и награжденъ щедро подарками. Въ дѣлѣ удушенія императора онъ игралъ весьма дѣятельную роль. Имъ же были сочинены и возмутительныя манифесты, въ которыхъ послѣ смерти Петра Екатерина обращалась къ народу. Энгельгардтъ, который такъ энергично «прикончилъ» съ Петромъ, получалъ богатые подарки, безпрестанно повышался въ чинахъ и умеръ въ чинѣ генераль-лейтенанта и губернатора Выборгской Губерніи.

Что касается всѣхъ прочихъ безчисленныхъ подарковъ и наградъ, которые щедро сыпались на всѣхъ помощниковъ величія «новой властительницы», то они равнялись многимъ милліонамъ рублей.

Наиболѣе отличившіеся офицеры-заговорщики получали пожизненную пенсію въ среднемъ въ 20 000 рублей въ годъ, рядовые же не менѣе 2000 рублей.

Не были также забыты и всѣ тѣ, которые при жизни Петра даже пассивно содѣйствовали «дѣлу» и стояли на сторонѣ Екатерины.

Тутъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о томъ камердинерѣ Чернышевѣ, который уже стоялъ на сторонѣ еще 16-лѣтней, только что обвѣнчанной Фикхенъ; его сначала произвели въ командиры одного

провинціального полка, но въ послѣдствіи, не смотря на энергичный протестъ Григорія Орлова, онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ ко двору и назначенъ комендантомъ крѣпости. Другой, также изъ крѣпостныхъ, нѣкій Елагинъ, который въ свое время женился на субреткѣ Елизаветы и тѣмъ самымъ по черной лѣстницѣ проникъ до нѣкоторой степени въ дворець, служилъ сводникомъ между Екатериною и Понятовскимъ, за что Елизавета сослала его въ Сибирь. Теперь же Екатерина вспомнила и о немъ, и за его прежнюю «вѣрную службу» онъ былъ произведенъ въ «тайные секретари» императрицы. Позднѣе онъ сталъ оберъ-гофмаршаломъ, сенаторомъ и многимъ другимъ и за счетъ государственной казны нажилъ себѣ милліоны.

Не забыла Екатерина и того лакея Шкурина, который въ моментъ рожденія молодаго Орлова сѣумѣлъ подъ предлогомъ пожара удалить Петра изъ дворца. Его наградили также очень щедро: онъ сталъ сначала директоромъ гардероба императрицы, затѣмъ камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ и проч.

Громадная щедрота Екатерины къ этому субъекту и «его представительная наружность» постоянно беспокоили подозрительнаго и ревниваго Орлова, но не смотря на все его неудовольствіе Екатерина сѣумѣла защитить Шкурина и удержать его при дворѣ.

Оправдывать и называть эту расточительность за счетъ государственной казны «добротою и бла-

годарностью» способенъ лишь нѣмецкій историкъ Брюкнеръ.

Но не смотря даже и на эту «доброту», хищные вороны, летавшіе цѣлыми стаями вокругъ этой «благодѣтельной дамы», не были довольны и постоянно желали бѣльшихъ наградъ и чиновъ.

Тягловъ постоянно говорилъ, что «лучи милости Екатерины не достаточно тепло грѣютъ его». Многіе гвардейскіе офицеры, помогавшіе въ заговорѣ, также роптали и жаловались на ничтожность награды за помощь Екатеринѣ, при которой они рисковали жизнью.

Нѣкто Хитрово, одинъ изъ недовольныхъ наградою камеръ-юнкеровъ, устроилъ даже заговоръ противъ Григорія Орлова, которому досталась львиная доля, но заговорщики скоро были открыты и сосланы въ сибирскія тундры.

Не такъ легко было новому правительству справиться съ солдатами. Имъ сначала объявили, что Петръ упалъ съ лошади и разбился до смерти, но когда они впоследствии узнали, что онъ живъ и заключенъ въ Ропшѣ, они стали сильно волноваться; къ этимъ волненіямъ въ казармахъ присоединилось и народное волненіе. Всюду можно было встрѣчать кучки солдатъ и народа, разсуждающихъ о томъ: имѣли ли Екатерина и ея совѣтники право удалить Петра отъ правленія? Среди спорящихъ рѣзко выдвинулись двѣ партіи, причемъ на сторону Петра стали всѣ матросы, которые вовсе не участвовали

въ заговорѣ, и которые стали упрекать гвардейцевъ за то, что они за глотокъ водки продали своего императора.

Неизвѣстно, чѣмъ могъ бы окончиться этотъ споръ, если бы предусмотрительность заговорщиковъ не сѣумѣла воспользоваться страстью солдатъ къ водкѣ и тѣмъ самымъ отвлечь ихъ вниманіе къ кабакамъ и прочимъ развлеченіямъ. По словамъ очевидцевъ, сила была на сторонѣ Петра, и недоставало лишь смѣлаго и опытнаго предводителя, который бы могъ начать революцію. Положеніе Екатерины и ея совѣтниковъ въ началѣ ея царствованія было столь критическимъ, что Орловъ распорядился обставить дворецъ рядомъ пушекъ, за которыми день и ночь сторожили артиллеристы съ зажженными фитилями.

«Такъ однажды,» рассказываетъ Гельбигъ, «неудовольствіе въ войскахъ достигло той степени, что стало угрожать опасностью дворцу, и вотъ Екатерининскіе клеветы распустили по кабакамъ молву, что государству грозитъ опасность со стороны Прусскаго короля. Немедленно пьяные гвардейцы оставили кабаки и побѣжали ко дворцу, чтобы, не смотря на ночное время, видѣть императрицу, и до тѣхъ поръ галдѣли на площади, пока Екатерина, наконецъ, не надѣла ночной кофты вмѣсто гвардейскаго мундира и не вышла на балконъ. И вотъ кровожадная и пьяная толпа уже не помнитъ болѣе своихъ вчерашнихъ неудовольствій и требуетъ похода на Пруссію. Въ эту ночь толпа солдатъ, изъявляя свои вѣрно-

подданническія чувства, разграбила и распила въ различныхъ кабакахъ не менѣе какъ на 25 000 рублей, что, конечно, государству пришлось принять на свой счетъ.»

Слава и паденіе Орлова.

Въ теченіи цѣлаго десятилѣтія умѣлъ Григорій Орловъ держаться въ милости у своей вѣнценосной любовницы. Причемъ въ теченіи всего этого времени онъ не переставалъ трудиться надъ тѣмъ, чтобы «узаконить свой преступный бракъ предъ святымъ алтаремъ» и стать, такъ сказать, чѣмъ то въ родѣ принца-супруга. Но не смотря на всю его энергію, планы эти постоянно разстраивались его завистниками и конкурентами; особенно энергично боролся противъ брака Орлова съ Екатериною графъ Панинъ, которому поручено было воспитаніе молодаго наследнаго князя Павла, и, какъ кажется, Екатерина не была недовольна поведеніемъ графа Панина, ибо судя по тому безотчетному страху, который она испытывала предъ своимъ любовникомъ, ей не хотѣлось быть на всегда связанной съ Григоріемъ Орловымъ.

Она возвела его въ княжеское достоинство, но и этимъ не особенно удовлетворила его ненасытное честолюбіе. Соглашаясь отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ, онъ требовалъ, чтобы по крайней-мѣрѣ корона и тронъ были обезпечены его сыну, родившемуся въ 1762 г. Что же касается

салтыковскаго отпрыска, Павла, то, по понятіямъ и стремленіямъ Орлова, его слѣдовало лишить всѣхъ данныхъ ему Елизаветою правъ. Съ этой цѣлью Орловъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы только сдѣлать сердце Екатерины чуждымъ къ наслѣднику, великому князю Павлу.

И не безъ основанія думалъ такъ Орловъ. Въ то время знаменитый указъ Петра I, по которому всякій правитель могъ назначать себѣ преемника, былъ въ полной силѣ, и потому являлось самой простой вещью лишить Павла всѣхъ правъ на престолъ и назначить въ наслѣдники сына Орлова, который пока росъ и воспитывался подъ именемъ Бобринскаго.

Павла развращали систематически. Тягловъ, преданный другъ и пріятель Орлова, руководилъ наслѣдника въ его занятіяхъ государственными науками. И чтобы молодому князю сдѣлать государственныя науки наивозможно менѣе интересными, онъ приносилъ изъ сената цѣлые фоліанты различныхъ актовъ и заставлялъ Павла разбираться въ нихъ. Нечего удивляться, что юный ученикъ скучалъ и тяготился подобными науками и, пользуясь этимъ, Орловъ и Тягловъ объявили Павла неспособнымъ къ государственной дѣятельности и требовали назначенія другаго наслѣдника.

Однако и враги Орлова не дремали и всюду умѣли оказывать дружное противодѣйствіе «первому мужу» государства, а потому планъ Орлова: обезпе-

чить за своимъ родомъ россійскій престолъ, такъ и остался неосуществленнымъ.

Екатерина воспитала молодаго Бобринскаго въ кадетскомъ корпусѣ и, подаривъ ему милліонъ рублей, послала его для дальнѣйшаго образованія за-границу. Онъ жилъ попеременно то въ Италіи, то въ Англіи, то во Франціи, и при этомъ всюду отличался столь скандальными исторіями, что его «шатап», не желая ронять въ глазахъ Европы свое фамильное реномэ, поспѣшила вытребовать его обратно въ Россію и назначила ему постоянное мѣсто-жительство въ Ревелѣ.

Здѣсь жилъ Бобринскій подъ ближайшимъ надзоромъ нѣкоего Завадовскаго, вышедшаго въ отставку любимца Екатерины, до тѣхъ поръ, пока Павелъ, въ припадкѣ великодушія, не призвалъ его къ своему двору, произвелъ Бобринскаго въ графы и наградилъ весьма щедро чинами и помѣстьями. Впрочемъ Бобринскій былъ не единственный отпрыскъ, происходившій отъ конкубината Екатерины съ Гр. Орловымъ. Другой ихъ сынокъ, получившій имя Галактеонъ, постоянно жилъ и воспитывался въ покояхъ Екатерины въ качествѣ «незнакомаго любимца». Его очень рано произвели въ офицеры и послали для образованія въ Англію, но тамъ онъ предался столь непомерно половымъ удовольствіямъ, что по истеченіи немногихъ лѣтъ умеръ отъ сухотки спиннаго мозга.

Третій сынъ ихъ назывался «Воспяной» и въ

качествѣ юнаго пажа умеръ въ Петербургѣ. И наконецъ, двѣ дочери, родившіяся у Екатерины отъ связи съ Орловымъ, воспитывались во дворѣ Екатерины подъ названіемъ «племянницъ камеръ-юнгферы Протасовой».

Старшая изъ дѣвушекъ вышла замужъ за генерала графа Буксгевдена, вторая — за нѣмецкаго поэта Макса Клингера, который промѣнялъ лиру на мечъ и дослужился въ Россіи до генерала.

Не смотря на столь многочисленные «залогии любви», которыми Екатерина щедро награждала своего фаворита, ихъ любовная связь не была прочна. Орловъ очень часто измѣнялъ императрицѣ, когда ему было угодно и когда представлялся случай, а случай представлялся на каждомъ шагу. Придворныя дамы, имѣя передъ собой достойный примѣръ половой распущенности въ лицѣ Екатерины, не отличались цѣломудріемъ и старались не отставать въ развратѣ отъ своей повелительницы. Такъ засвидѣтельствованъ фактъ, что въ 1770 г. изъ гатчинскаго дворца перевезли въ глухой монастырь въ Савойскихъ горахъ ребенка, который происходилъ отъ побочной связи Григорія Орлова съ одной изъ придворныхъ дамъ.

Точно также извѣстно, что когда однажды, уже будучи старой женщиной, Екатерина гуляла въ паркѣ Царскосельскаго дворца, неожиданно изъ кустовъ выскочила молодая дѣвушка, которая бросилась Екатеринѣ въ ноги и молила ее помочь ей

и ея матери въ ихъ горькой нуждѣ. Оказалось, что дама эта была дочерью Орлова и бывшей фрейлины императрицы, о которыхъ Орловъ совершенно не заботился.

Екатеринѣ ничего болѣе не оставалось, какъ помочь несчастнымъ женщинамъ, но чтобы на будущее время гарантировать себя отъ новаго появленія дѣтей своего бывшего фаворита, она приказывала каждый разъ, когда шла гулять въ паркъ, закрывать всѣ его ворота и не впускать постороннюю публику.

Но не одному лишь Орлову можетъ быть поставленъ упрекъ въ невѣрности. Такъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что любовное ложе въ спальнѣ Екатерины Алексѣй Орловъ раздѣлялъ въ одно время со своимъ братомъ Григоріемъ. Сцены ревности, то изъ за одного, то изъ за другаго «красиваго молодаго человѣка», между любовниками не были рѣдкостью. Къ обѣду и ужину Екатерина съ предпочтеніемъ приглашала молодыхъ и рослыхъ людей, что нерѣдко приводило Орлова въ скверное расположеніе духа. По словамъ Гельбига, по мѣрѣ того, какъ Орловъ все болѣе утверждалъ свое положеніе у императрицы, онъ становился грубѣе и невоздержаннѣе въ своемъ публичномъ поведеніи. Правила приличія были ему совершенно чужды. «Его связь съ Екатериной носила тотъ же внѣшній характеръ связей, какимъ отличаются связи съ низкими женщинами,» говоритъ тотъ же авторъ, «его прельщала въ женщинѣ лишь одна физическая сторона.»

Неудивительно поэтому, что этотъ грубый и жестокой человекъ сталъ, наконецъ, въ тягость императрицѣ, и она вмѣстѣ со своими новыми повѣренными стала придумывать способы, какъ бы отдѣлаться отъ него.

Въ 1771 г. Екатерина послала его въ Москву, гдѣ въ то время проявилась страшная эпидемія чумы. Онъ долженъ былъ принять мѣры противъ распространенія заразы. При этомъ злые языки говорили, что императрица нарочно послала Орлова въ Москву, чтобы сдѣлать его жертвой чумы, но Орловъ несколько не пострадалъ отъ коварной болѣзни и цѣлъ и невредимъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ необыкновенными почестями и внѣшнимъ эффектомъ. Триумфальными арками, нарочно выбитыми медалями и проч. встрѣчали его, какъ «побѣдителя чумы».

Екатеринѣ пришлось придумать новый предлогъ, чтобы избавиться отъ этого строптивого и назойливого друга, и вотъ она поставила ему ловушку, въ которую честолюбивый Орловъ попалъ: онъ поддался убѣжденіямъ и отправился въ качествѣ уполномоченнаго въ Валлахію для веденія мирныхъ переговоровъ съ Турціей.

Будучи уже на мѣстѣ назначенія и ведя переговоры, онъ вдругъ неожиданно узналъ, что его мѣсто въ будуарѣ Екатерины занялъ другой претендентъ; его личный врагъ, графъ Панинъ, съумѣлъ пристроить на мѣсто перваго любовника молодого

и красиваго гвардейскаго лейтенанта Александра Васильчикова.

Орловъ разсвирѣпѣлъ отъ злости; онъ тотчасъ оставилъ турокъ и поскакалъ на перекладныхъ къ Петербургу, торопясь спасти то, что еще можно было спасти. Но его дѣло было окончательно проиграно. На дорогѣ ему попался посланный Екатериною курьеръ, который и объявилъ Орлову, что императрица приказываетъ ему отправиться въ ссылку въ Гатчинскій дворецъ.

Орловъ кипѣлъ отъ злости и ужаленнаго честолюбія. Какъ могъ онъ разстаться съ ролью перваго властителя въ государствѣ! Исполненный самаго жгучаго желанія во что бы то ни стало отомстить, онъ день и ночь пріискивалъ случай, какъ бы уничтожить преграды, которыя отдѣляли его отъ Екатерины.

Могучая императрица дрожала предъ нимъ въ «рабскомъ страхѣ», какъ выражается Гельбигъ, и когда графъ Панинъ старался успокоить ее, она съ боязнью отвѣтила: «вы не знаете его, онъ способенъ извести меня и наслѣдника.»

И дѣйствительно, не на шутку боялась Екатерина Орлова; она велѣла придѣлать къ дверямъ своей спальни крѣпкіе запоры, а ея камеръ-динеръ Сахаровъ долженъ былъ съ заряженными пистолетами караулить у ея дверей.

Страхъ предъ Орловымъ былъ столь великъ, что ему было очень любезно предложено отказаться лишь отъ сутенерской роли, все же прочее должно

было остаться по старому. При этомъ требованіи Екатерина послала Орлову 1 милліонъ рублей, которые «она была ему должна», какъ говорилось въ грамотѣ. Онъ взялъ деньги, но не пересталъ настаивать на всѣхъ своихъ правахъ и угрожалъ Екатеринѣ по прежнему. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ 1772 г., Орловъ, дѣйствительно, предсталъ предъ не знавшей куда дѣться отъ страха Екатериной. Къ ея счастью дѣло обошлось лучше, чѣмъ ожидала Екатерина: Орловъ просилъ царицу позволить ему остаться лишь ея другомъ — и помирился съ ней.

Тутъ то міръ узрѣлъ примѣръ благородной и чистой дружбы: Екатерина одарила своего экс-любовника тысячами крѣпостныхъ, назначила ему ежегодную пенсію въ сто пятьдесятъ тысячъ рублей, заказала во Франціи роскошнѣйшій серебряный сервизъ стоимостью въ $\frac{1}{4}$ милліона рублей и построила ему въ Петербургѣ чудный мраморный дворецъ. Орловъ, со своей стороны, купилъ у армянскихъ купцовъ за полмилліона рублей извѣстный большой брилліантъ, который понынѣ носить имя Орлова и составляетъ гордость Россіи.

Глядя на эти сцены нѣжности, русскій народъ плакалъ, но не слезами умиленія, а слезами голода и горькой нужды.

Такъ, послѣ многихъ усилій, съ внѣшней стороны послѣдовало примиреніе, но въ душѣ Орлова все еще не переставала кипѣть ярая злоба. Не находя себѣ нигдѣ покоя, Орловъ бросался изъ одного

мѣста въ другое, то жилъ за-границею, то въ Ревелѣ, то въ Москвѣ, затѣмъ опять въ Петербургѣ.

Къ этому времени Екатерина уже удалила отъ себя слишкомъ вѣжливаго и благороднаго Васильчикова, и «почетный постъ» въ ея будуарѣ принадлежалъ безсовѣстному искателю приключеній Потемкину, который прежде всего отличался тѣмъ, что умѣлъ оберегать Екатерину отъ Орлова.

Орлову теперь было предложено жениться на прелестной придворной дамѣ Екатерины, которая подарила своей «наслѣдницѣ», между прочимъ, необыкновенно цѣнную и изящную гарнитуру изъ золота и бриллиантовъ.

Орловъ обвѣнчался, но молодая княгиня скоро умерла, не оставивъ ему потомства.

Орловъ снова вернулся изъ-за границы въ Россію и снова сталъ надѣдать при дворѣ. Безпокойство доходило въ немъ до болѣзненности, причемъ у него появилось нѣчто въ родѣ помѣшательства, и ему казалось, что онъ призванъ всѣмъ говорить правду.

Но всему бываетъ конецъ, а потому и Орлову пришлось подчиниться общему теченію. По свидѣтельству Гельбига, враги Орлова рѣшили, наконецъ, разъ на всегда раздѣлаться съ нимъ, и съ этой цѣлью дали ему значительную по ихъ соображеніямъ дозу яда, но необыкновенно крѣпкая и живучая натура князя хотя и пострадала, но всетаки благополучно вынесла отраву. Модное въ то время средство избавляться отъ назойливыхъ

людей повторили бы и еще разъ, но скоро Орловъ впалъ въ острое помѣшательство: онъ, какъ пишетъ Массонъ, въ припадкахъ изступленія пожиралъ свои собственные экскременты и постоянно видѣлъ самыя ужасныя галлюцинаціи. Картина смерти императора Петра III постоянно стояла передъ нимъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1783 г., послѣ тяжкихъ страданій онъ скончался.

Еще до смерти Григорія Орлова стала меркнуть звѣзда и брата его Алексѣя. Онъ все еще оставался командующимъ русскимъ флотомъ, былъ щедро пожалованъ чинами и наградами за побѣды надъ турками, но несмотря на это, онъ такъ же, какъ и его братъ Григорій, не могъ помириться съ мыслью, что другой фаворитъ — Потемкинъ — заслоняетъ своимъ блескомъ имя Орловыхъ. Поэтому онъ скоро сложилъ съ себя всѣ должности и отправился на жительство въ Москву, гдѣ въ то время собирались всѣ, кто были недовольны событіями при дворѣ въ Петербургѣ. Онъ скоро женился на одной фрейлинѣ, съ которой уже раньше жилъ, и его дочь съ 10 лѣтъ поступила придворной дамой во дворецъ Екатерины. Его сынъ служилъ офицеромъ въ гвардіи.

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ этотъ блестящій молодой офицеръ долженъ былъ стать любовникомъ уже престарѣлой развратницы, но князь Потемкинъ не рѣшился изъ-за высококомѣрія его отца назначить молодаго Орлова на столь важный государственный постъ.

Васильчиковъ.

Въ то время, когда Екатерина спровадила братьевъ Орловыхъ, она уже находилась въ возрастѣ, въ которомъ нельзя было ожидать дѣтей. Но не смотря на это, грубая чувственность настолько обуревала еще эту ненасытную блудницу, что, какъ выражается Массонъ, «она не могла обойтись 24 часа безъ любовника». Страсть эта и стала теперь тѣми помочами, на которыхъ наиболѣе ловкіе и способные изъ придворныхъ проходимцевъ водили «великую Екатерину».

Постъ «фаворита» сталъ такой же придворной службой, какъ и всякій другой, разница была лишь въ томъ, что сидѣвшій на этомъ посту лучше вознаграждался за труды.

Съ каждымъ годомъ страсти въ груди Екатерины становились все бурнѣе и бурнѣе, и чѣмъ старше она становилась, тѣмъ утонченнѣе и отвратительнѣе совершались оргіи во дворцѣ ея.

Послѣ того, какъ Григорій Орловъ, въ 1772 г., отправился къ туркамъ для заключенія мирныхъ переговоровъ, графъ Панинъ, воспитатель и руководитель наслѣднаго принца Павла, умѣлъ обратить вниманіе Екатерины на молодаго и красиваго гвардейскаго офицера Александра Васильчикова. Послѣдній немедленно переѣхалъ въ покои, дотолѣ занимаемые Орловымъ, которые непосредственно прилегали къ спальнѣ императрицы, получилъ для

услугъ камергера, орденъ св. Александра-Невскаго и почетную стражу, которая день и ночь держала карауль у его дверей.

Но новый любовникъ не обладалъ талантомъ обезпечить на долгое время за собой это выгодное и почетное положеніе: онъ былъ слишкомъ скромнень и слишкомъ застѣнчивъ для императрицы. Поэтому, уже по прошествіи двухъ лѣтъ онъ лишился своего поста и безъ всякихъ претензій переселился по желанію Екатерины въ Москву.

Награда за его «службу» заключалась въ 100 000 рубляхъ деньгами, 7000 крѣпостныхъ, которые давали до 35 000 рублей ежегоднаго дохода, въ 60 000 рублей брилліантовъ, серебряномъ сервизѣ въ 50 000 рублей, ежегодной пенсіи въ 20 000 рублей и великолѣпномъ мебелированномъ дворцѣ въ Петербургѣ, который вскорѣ Екатерина откупила у него за 100 000 рублей.

Григорій Потемкинъ.

Съ отставкой Васильчикова, Екатеринѣ снова пришлось «заботиться о пріисканіи какого нибудь Голіаѳа», какъ выражается Зугенгеймъ, какой и нашелся въ лицѣ гвардейскаго вахмистра Григорія Потемкина.

Знакомство Екатерины съ этимъ субъектомъ, который, однако, происходилъ изъ польской дворянской семьи, началось еще со дней вѣщевія ея на

престоль. Началось оно при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ тотъ памятный день, когда Екатерина, во главѣ своихъ гвардейцевъ, мчалась на конѣ въ Ораніенбаумъ, чтобы арестовать несчастнаго Петра, она вдругъ замѣтила, что на ея саблѣ не доставало темляка и потребовала его. Потемкинъ передалъ ей свой собственный темлякъ, и когда его лошадь коснулась лошади императрицы, послѣдняя ласково улыбнулась гигантскому вахмистру и заговорила съ нимъ. Разговоръ окончился тѣмъ, что Потемкинъ былъ произведенъ въ офицеры и вслѣдъ затѣмъ въ камеръ-юнкеры.

Наглый выскочка, съ первыхъ дней своей счастливой карьеры, сталъ всѣми силами стараться вытѣснить изъ дворца Григорія Орлова, но эта дерзкая попытка стоила ему многихъ тумачковъ и оскорбленій и окончилась тѣмъ, что Орловъ запрягалъ его въ провинцію.

Но не долго сидѣлъ Потемкинъ въ провинціи. Фельдмаршалъ Румянцевъ, знавшій, что Потемкинъ принадлежалъ къ любимцамъ императрицы, призвалъ его въ походъ противъ турокъ и не смотря на то, что Потемкинъ не былъ въ состояніи выносить даже пороховаго запаха, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и въ 1774 г. посланъ къ Екатеринѣ съ вѣстью о побѣдѣ.

Встрѣтившись съ императрицею въ ея будуарѣ, онъ объяснился ей въ любви и сообщилъ, что не

знаеть иного способа для успокоенія своего больного сердца, какъ постриженіе въ монахи. И дѣйствительно, онъ поступилъ послушникомъ въ Александроневскую Лавру.

Этотъ фактъ самопожертвованія настолько тронулъ Екатерину, что она сжалилась надъ кавалеристомъ, ставшимъ изъ любви къ ней монахомъ, и при первой ваканціи назначила его на постъ перваго любовника въ государствѣ.

Два года пользовался онъ полной любовью Екатерины, какъ однажды ему пришлось сдѣлать непріятное открытіе, что его позиціей начинаетъ завладѣвать другой счастливецъ, сынъ ничтожнаго попа, пронырливый Завадовскій, котораго за особыя заслуги Екатерина уже успѣла назначить своимъ тайнымъ секретаремъ.

Дѣлать нечего, пришлось сохранить спокойствіе. Потемкинъ былъ не такъ искренно привязанъ въ Екатеринѣ и потому легко согласился отказаться отъ роли перваго любовника, но при этомъ онъ выговорилъ себѣ сохраненіе всѣхъ присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и сверхъ того еще присвоилъ себѣ право окончательнаго утвержденія любовниковъ императрицы. Такимъ образомъ, могущество Потемкина нисколько не поколебалось, и онъ до конца дней своихъ оставался при власти.

Болѣе 16 лѣтъ судьба русскаго народа лежала въ рукахъ этого удивительнаго проходимца. Онъ ловко эксплуатировалъ честолюбіе Екатерины при

помощи всевозможныхъ государственныхъ реформъ и въ то же время постоянно упрочивалъ свое собственное положеніе и набивалъ себѣ карманы. Онъ ввергалъ Россію въ страшныя войны; чтобы получить орденъ, жертвовалъ тысячами лучшихъ воиновъ, грабилъ завоеванные города и земли и наживался, гдѣ только могъ.

Онъ дошелъ до такого нахальства, что всюду выступалъ какъ полновластный повелитель, окружалъ себя необычайною роскошью на восточный манеръ и сурово распоряжался жизнью и счастьемъ цѣлыхъ губерній. Екатерина же, въ это время, беззаботно предавалась въ Петербургѣ грубому чувственному разврату со своими любовниками.

Когда Потемкинъ послѣ страшныхъ избиеній и кровавыхъ сценъ покорилъ Таврической полуостровъ, онъ съ гордостью присвоилъ себѣ титулъ «Таврической» и пригласилъ свою повелительницу проѣхать на югъ Россіи и полюбоваться завоеванными землями.

Надо отдать справедливость Потемкину, онъ умѣлъ прикрыть голодъ и нищету народа торжествами по всему пути этого побѣдоноснаго шествія; и участникамъ на каждомъ шагу попадались благоустроенныя поселенія, мужики и бабы въ роскошныхъ праздничныхъ нарядахъ; непосвященный въ условія жизни русскаго народа долженъ былъ думать, что дѣйствительно Потемкинъ завоевалъ рай земной.

Къ несчастью, все это было миражемъ; стоило

свернуть полверсты въ сторону отъ большой дороги, и вмѣсто ликующихъ киргизовъ, татаръ и калмыковъ взору представились бы разоренные огнемъ и мечемъ деревни и города.

Весь этотъ достатокъ и блескъ были созданы тѣми безчисленными милліонами, которыми сорилъ Потемкинъ для самовозвеличенія въ глазахъ потомковъ. Гельбигъ говоритъ, что самые осторожные люди оцѣнивали убытки, причиненные Потемкинымъ Россіи, въ 150 милліоновъ рублей, но если сосчитать и расходы на содержаніе потемкинскаго двора, то сумма эта окажется слишкомъ ничтожной. Его личное состояніе равнялось 90 милліонамъ рублей!

Конецъ Потемкина вполне гармонировалъ со всей его жизнью. Онъ умеръ въ походѣ, отъ послѣдствій чрезмѣрныхъ половыхъ излишествъ, на рукахъ своихъ безчисленныхъ содержанокъ, коихъ цѣлый гаремъ онъ постоянно возилъ при своей главной квартирѣ.

Похороны этого честолюбца состоялось въ основанномъ имъ городѣ Херсонѣ и сопровождалось необыкновенными торжествами.

Когда же Павелъ I вступилъ на престолъ, онъ вспомнилъ о Потемкинѣ, постоянно третировавшемъ его en canaille, и желая теперь отомстить ему, велѣлъ вырыть бранные останки Потемкина и бросить ихъ въ канаву за крѣпостнымъ валомъ, гдѣ собаки и волки растаскали ихъ по степи.

Завадовскій.

Этотъ удивительный по своей судьбѣ сынъ мало-россійскаго попа искалъ свою карьеру въ Петербургѣ, въ качествѣ лакея, въ одномъ иностранномъ графскомъ домѣ и, благодаря своей атлетической фигурѣ, дошелъ до высшаго государственнаго поста и столкнулъ гордаго и ловкаго Потемкина съ любовнаго ложа въ петербургскомъ дворцѣ.

На посту императорскаго сутенера онъ находился до 1777 года и, вѣроятно, удержался бы и долѣе, если бы не имѣлъ глупости пуститься въ политическія интриги противъ значительно болѣе умнаго и хитраго Потемкина, который и выбросилъ его изъ будуара Екатерины.

Однако, онъ лишился лишь роли перваго любовника, государственное же его положеніе нисколько не пошатнулось, и онъ по прежнему оставался при дворѣ послѣ смерти Екатерины и имѣлъ значительное вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ.

Завадовскій былъ возведенъ въ графское достоинство, произведенъ въ тайные совѣтники, сенаторы и, наконецъ, получилъ давно имъ желанное мѣсто директора государственнаго банка. Его добыча простиралась до 10 000 крѣпостныхъ душъ и нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей дохода.

При отставкѣ отъ сутенерскаго поста онъ получилъ отъ Екатерины, какъ и всѣ его предшественники, великолѣпный серебряный сервизъ стоимостью въ

50 000 рублей, но Завадоскому сервизъ этотъ оказался недостаточно цѣннымъ, и онъ отказался принять его. Екатерина поняла, что тутъ служило причиной и подарила ему сервизъ въ 80 000 рублей.

Зоричъ.

Послѣ смѣщенія Завадовскаго Потемкинъ постоянно стремился назначать на постъ перваго любовника кого-либо изъ своихъ креатуръ. Дѣлалъ онъ это изъ предосторожности, чтобы кто-либо изъ фаворитовъ не могъ смѣстить его самого съ высоты государственной власти.

Нечего и говорить, какъ теперь увивались передъ Потемкинымъ, въ пестромъ безпорядкѣ, всѣ «красивые и рослые» молодые люди безъ различія положенія и званія. Лакеи, пажи и офицеры одинаково имѣли право на вниманіе матушки-царицы. При этомъ Потемкинъ такъ умѣло завѣдывалъ должностью оберъ-сводни, что за все время своей практики умѣлъ пропускать въ любовники лишь лицъ, для него совершенно безопасныхъ. Только молодой графъ Платонъ Зубовъ попалъ въ милость Екатерины вопреки волѣ и желанію Потемкина. Но это, какъ уже сказано, былъ единственный случай.

При этомъ не слѣдуетъ предполагать, что чувственная Екатерина удовлетворялась лишь поставляемыми ей официальными сутенерами. Неудержимая страсть къ половымъ развлеченіямъ позволяла самодержавной дамѣ увлекаться по чувству и ка-

призу то тѣмъ, то другимъ первымъ попавшимся ей на глаза мужчиной. Никто не былъ для нея ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ низокъ по своему социальному положенію; въ порывахъ своей страсти она на всѣхъ смотрѣла одинаково.

Къ такимъ случайнымъ счастливымъ, или, какъ ихъ называли «побенкамъ», принадлежали люди самаго разнообразнаго происхожденія и физическихъ качествъ. Такъ, напр., сегодня она отдавалась горбтому и отвратительному писцу Страхову, завтра французскому посланнику графу Сегюру.

Но такія исключенія дѣлались только для минутныхъ увлеченій, въ выборѣ же постоянныхъ любовниковъ императрица повиновалась Потемкину, у котораго постоянно имѣлся «на складѣ» значительный запасъ алкающихъ отдаться ея величеству.

Мы не хотимъ всецѣло брать на себя отвѣтственности за то, что рассказываютъ намъ въ своихъ запискахъ Esneaux и Chenne-Chot, но въ Россіи не составляетъ секрета тотъ фактъ, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ и оба французса. Такъ, извѣстно, что выборъ новаго фаворита совершался при слѣдующихъ сложныхъ процедурахъ:

Когда императрица по внѣшнимъ физическимъ признакамъ высмотрѣла въ окружающей ея дворнѣ «подходящаго субъекта», она наводила чрезъ Потемкина и у своихъ дамъ подробныя справки о его особенностяхъ и талантахъ. Послѣ этихъ предварительныхъ справокъ придворный врачъ получалъ

приказаніе подробно освидѣтельствовать счастливаго кандидата, и немедленно послѣ этого медицинскаго экзамена рефлектантъ подвергался второму испытанію у придворной дамы, которая носила, въ кругу придворныхъ, специальное названіе «пробирь-дамы» и которая уже испытывала кандидата по извѣстнымъ специальностямъ.

Только тогда, когда всѣ отзывы единогласно говорили въ пользу кандидата, послѣдній удостоивался быть приглашеннымъ на слѣдующій же вечеръ въ «тѣсный кружокъ» императрицы. Первый кандидатъ, представленный Екатеринѣ Потемкинымъ, былъ нѣкто Зоричъ, который, по словамъ Массона, представлялъ изъ себя бѣжавшаго изъ Константинопольской тюрьмы сербскаго преступника.

Ища спасенія отъ преслѣдованій, Зоричъ обратился за помощью къ Потемкину, которому онъ настолько понравился, что послѣдній прикрылъ его преступленія гусарскимъ мундиромъ и назначилъ своимъ личнымъ адъютантомъ, а впослѣдствіи представилъ его ко двору.

Ловкій сербъ скоро обратилъ на себя вниманіе Екатерины, она оставила его на испытаніе при своей главной квартирѣ и произвела въ флюгель-адъютанты, а затѣмъ и въ фавориты, послѣ чего Зоричъ благополучно занялъ дворцовые покои возлѣ императрицы, которые только что оставилъ Завадовскій.

Только 11 мѣсяцевъ сумѣлъ удержаться этотъ

проходимецъ въ милости у своей царственной любовницы, но несмотря на кратковременный срокъ. онъ позаботился о своемъ карманѣ, въ который за 11 мѣсяцевъ поступило около 1 милліона рублей наличными деньгами, кромѣ того значительныя и доходныя помѣстья въ Лифляндіи и Польшѣ и на 200 000 руб. драгоцѣнныхъ вещей также перешли въ его собственность.

Не будь Зоричъ столь ограниченъ и недалекъ виденъ, онъ могъ бы продержаться гораздо дольше, но онъ имѣлъ глупость пуститься въ открытую борьбу съ Потемкинымъ и потому скоро сломалъ себѣ шею и долженъ былъ отправиться въ добровольную ссылку въ свои польскія имѣнія, гдѣ онъ передался столь развратному и расточительному образу жизни, что въ нѣсколько лѣтъ промоталъ все свое достояніе

Корсаковъ.

Потемкинъ немедленно озаботился пріисканіемъ «соотвѣтствующей силы» въ замѣнъ столь неожиданно смѣненнаго сербскаго бродяги. Запасъ у него былъ весьма великъ и потому онъ выставилъ императрицѣ сразу трехъ кандидатовъ: лифляндца Бергмана, нѣкоего Ронзова — незаконнаго сына графа Воронцова — и кирасирскаго капитана Корсакова.

Послѣдній помимо того, что былъ молодъ и красивъ, пользовался еще той репутаціей, что якобы никогда не имѣлъ дѣла съ женщинами.

Такого любовника пресытившаяся чувственными удовольствіями Екатерина давно себѣ желала, и потому Корсаковъ былъ немедленно принять «на службу». Онъ очень скоро сталъ генераль-маіоромъ, камергеромъ и т. д.

Потемкинъ нарочно рекомендовалъ Корсакова, ибо его ограниченность была выше всякихъ предѣловъ. Рассказываютъ, что когда ему захотѣлось устроить свою библіотеку по образцу дворцовой, то на вопросъ книготорговца: какія сочиненія должны войти въ составъ его библіотеки, онъ отвѣтилъ, что въ сочиненіяхъ понимаетъ онъ мало толку и знаетъ лишь, что большіе томы слѣдуетъ ставить внизъ, а малые на верхъ, пускай уже лучше книготорговецъ самъ выберетъ книги, ибо ему лучше извѣстно, какія книги находятся въ библіотекѣ Екатерины.

Невинность и чистота нравовъ этого малодчика скоро оказались весьма проблематическими: онъ сталъ направо и налево заводить любовныя связи съ придворными дамами и дошелъ въ своемъ донжуанствѣ до такихъ предѣловъ, что былъ однажды императрицей застигнутъ съ графиней Брюссъ въ спальнѣ императрицы.

Но это еще не все. Скоро, къ великому удивленію всего Петербурга, оказалось, что столь хваленый Адонисъ на аренѣ любви имѣлъ уже очень серьезные старыя грѣхи и что, когда онъ былъ удаленъ, не только онъ самъ, но и Екатерина должны были подвергнуться весьма обременительному леченію, съ

которымъ матушка-царица провозилась цѣлыхъ полгода. Она временно должна была воздерживаться отъ всякихъ любовныхъ удовольствій, и не смотря на это, до самой смерти, не могла отдѣлаться отъ недуга, унаслѣдованнаго отъ невиннаго кирасира. Кромѣ дворца Васильчикова, Корсаковъ получилъ за 15 мѣсячную службу полмилліона наличными деньгами, 4000 крѣпостныхъ душъ и на 150 000 рублей брилліантовъ. Оставивъ дворъ, онъ долго еще жилъ въ Москвѣ, гдѣ славился своими пороками.

Ланской.

Едва здоровье невской мессалины настолько поправилось, что она снова могла начать любимые «сеансы», какъ на смѣну Корсакова былъ представленъ 22 лѣтній конногвардеецъ Александръ Ланской, который сразу попалъ въ необыкновенную милость у императрицы.

Не смотря на свои 53 года, она проявила къ юному Ланскому самую трогательную нѣжность и пламенную любовь. Послѣдній, съ свою очередь, совершенно посвятилъ себя Екатеринѣ. Ланской былъ съ виду очень скромень, скрытень, расчетливъ и не лѣзъ впередъ.

При этомъ вліяніе его на ставшую уже выживать изъ ума Екатерину было столь велико, что Потемкинъ дрожалъ предъ этимъ, съ виду тихимъ и мягкимъ человѣкомъ.

Но этотъ «многообѣщающій» юноша, къ счастью

русскаго народа, постоянно нуждался въ различныхъ возбуждающихъ и тому подобныхъ средствахъ и послѣ четырехлѣтняго, удивительно интимнаго сожителства съ Екатериной скончался отъ половыхъ излишествъ и злоупотребленія спиртными напитками.

Ни съ однимъ изъ своихъ фаворитовъ Екатерина не разставалась столь трогательно. Его смерть произвела на нее ужасное впечатлѣнiе, она сама захворала съ тоски, и пришлось ей пустить кровь. Чтобы подданные не видѣли ея печали, она долгое время носила густую вуаль.

Ланскаго и Екатерину соединяла какая то патологическая тайна, и Ланскаго можно смѣло считать жертвой чрезвычайной похотливости этой женщины.

Около года не переставала грустить Екатерина. Тѣло Ланскаго было погребено въ паркѣ въ Царскомъ Селѣ, но какіе то завистники и недоброжелатели царицы вырыли ночью покойника изъ могилы и, послѣ различныхъ надруганій надъ его трупомъ, бросили его передъ дворцомъ Екатерины. Этотъ случай ужасно огорчилъ императрицу, она нарядила строгое слѣдствіе для розысканія виновныхъ, а останки своего возлюбленнаго снова похоронила съ большими торжествами и надъ могилою его воздвигла роскошный мавзолей.

Не смотря на свои 26 лѣтъ и ограниченное образованіе, Ланской умеръ генераль-лейтенантомъ и успѣлъ за четыре года своего фаворитства «скопить» не менѣе, какъ 7 000 000 рублей. Не заботясь со-

вершенно о своихъ родственникахъ, онъ завѣщаль все свое состояніе императрицѣ, но послѣдняя была на сей разъ очень великодушна и велѣла раздѣлить эти милліоны и другія его владѣнія между его бѣдными родственниками.

Ермоловъ.

Восемь мѣсяцевъ спустя, послѣ кончины Ланскаго, Екатерина настолько забыла сердечную печаль, что Потемкинъ могъ приступить къ предложенію новыхъ кандидатовъ. На первомъ планѣ онъ выставилъ 22 лѣтняго унтеръ-офицера л. гв. Семеновскаго полка, Ермолова, который не казался Потемкину опаснымъ соперникомъ.

Но жестоко ошибся на сей разъ опытный глазъ Потемкина!

Ермоловъ, войдя въ довѣріе императрицы, задумалъ указать ей на всѣ несправедливости, обманы и растраты Потемкина, но Потемкинъ оказался ловчѣе своего соперника и поставилъ императрицѣ альтернативу: «или я, или онъ», въ отвѣтъ на что Ермолова послали въ трехъ-лѣтнюю командировку за границу.

Такимъ образомъ, молодой унтеръ-офицеръ, послѣ 16 мѣсячнаго сожителства съ царицей, отплылъ за границу въ чинѣ генераль-маіора, имѣя, кромѣ 450 000 рублей, значительную коллекцію драгоценныхъ камней и 4000 крестьянскихъ душъ, приносившихъ ему довольно изрядный доходъ.

Мамоновъ.

Въ самый день паденія Ермолова Потемкинъ послалъ къ императрицѣ съ рисункомъ гвардейскаго лейтенанта Александра Мамонова, прося Екатерину, какъ большаго знатока въ искусствѣ, сказать ему свое мнѣніе о произведеніи. Отвѣтъ, который Мамоновъ принесъ Потемкину, былъ лакониченъ: «рисунокъ хорошъ, колоритъ плохъ».

Это хотя и неособенно пріятное заключеніе относилось, конечно, не къ художественному произведенію, но къ подателю его, который всетаки былъ принятъ на службу и произведенъ во флюгель-адъютанты.

Въ самое короткое время 24 лѣтній юноша такъ сумѣлъ привязать къ себѣ императрицу, что послѣдняя, которой теперь уже было 60 лѣтъ, совершенно подчинилась ему и произвела его въ генераль-маіоры.

Съ нимъ престарѣлая императрица совершила путешествіе на югъ Россіи для осмотра знаменитыхъ «Потемкинскихъ деревень», причемъ во время пути съ Мамоновымъ случилась оказія: онъ подвергнулся алкоголическому припадку, и пришлось ради него на долгое время остановиться посреди пути. Это обстоятельство причиняло государственной казнѣ убытокъ въ 4000 дукатовъ ежедневно, которые пришлось выплачивать за заранѣе заказанныхъ перекладныхъ лошадей и прочіе дорожные расходы.

Екатерина терпѣливо нянчилась съ Мамоновымъ, такъ какъ въ немъ она, вопреки чаянїямъ, приобрѣла не только желаннаго любовника, но и способнаго государственнаго дѣятеля. Мамоновъ сталъ уже опасенъ самому Потемкину, такъ какъ императрица серьезно собиралась назначить его вице-канцлеромъ, какъ вдругъ до нея дошли слухи, что ея любовникъ завелъ нѣсколько интимныхъ связей съ ея фрейлинами. Изъ ревности Екатерѣна велѣла ему, вопреки его волѣ, жениться на одной изъ придворныхъ дамъ и предписала ему переселиться въ Москву — мѣсто добровольнаго заточенїя для всѣхъ попавшихъ въ немилость при дворѣ.

Этотъ физически самый уродливый изъ всѣхъ фаворитовъ Екатерины представляетъ живой продуктъ той атмосферы и тѣхъ нравственныхъ условїй Екатерининскаго времени, когда негодяи и гнусные злодѣи всѣхъ племенъ находили для своего процвѣтанїя всѣ необходимыя условїя.

Пробывшій три года въ генеральныхъ сутенерахъ престарѣлой царицы, Мамоновъ, между прочимъ, былъ уже и германскимъ графомъ, генераль-лейтенантомъ, шефомъ множества русскихъ и иностранныхъ полковъ и кавалеромъ всевозможныхъ орденовъ.

Крѣпостные, подаренные ему за это время, давали ежегодно до 100 000 рублей дохода. Въ тотъ день, когда Мамоновъ вступилъ въ «отправленїе обязанностей», Екатерина подарила ему 60 000 рублей «для заведенїя рубахъ», какъ эта дача технически

называлась. Его адъютантское жалованье составляло 180 000 рублей въ годъ, подобныя же суммы получалъ онъ и отъ другихъ своихъ должностей. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что всѣ свои потребности отправлялъ онъ на казенный счетъ, такъ напр. онъ пользовался готовой квартирой, обѣдалъ съ императрицей и, кромѣ того, еще тратилъ изъ дворцовой кассы 36 000 рублей ежегодно для угощенія своихъ безчисленныхъ друзей и знакомыхъ. Цѣнность подаренныхъ ему брилліантовъ равнялась многимъ сотнямъ тысячъ.

Зубовы.

Въ тотъ самый день, когда Мамонова отставили и насильно обручили съ фрейлиной Екатерины, дворцовымъ карауломъ командовалъ гвардейскій офицеръ Платонъ Зубовъ. Потемкинъ же по дѣламъ службы находился гдѣ-то въ провинціи.

И вотъ, враги Потемкина и воспользовались отсутствіемъ его и поспѣшили замѣстить вакантный послѣ Мамонова постъ кѣмъ либо изъ собственныхъ креатуръ. Но не имѣя никого подъ рукой, кромѣ дежурнаго Зубова, они и обратили на него вниманіе Екатерины.

Зубовъ представлялъ изъ себя малаго роста юношу, лѣтъ двадцати двухъ, былъ очень некрасивъ и казался слабымъ на видъ. Не будучи особенно умственно развитымъ, онъ тѣмъ не менѣе носилъ имя знаменитаго философа Платона, и это послѣднее

обстоятельство давало придворнымъ шутникамъ широкое поле для всякихъ насмѣшекъ, какъ надъ нимъ, такъ и надъ его старой любовницей. Между прочимъ они говорили, что Екатерина на старости лѣтъ обратилась къ «платонической любви».

Впрочемъ, не долго рисковали чесать свой языкъ эти шутники. Ничтожный и щедедушный на видъ Зубовъ скоро приобрѣлъ такое громадное вліяніе на Екатерину и умѣлъ настолько познакомиться съ государственными дѣлами, что втеченіи семи лѣтъ безъ перерыва былъ почти единственнымъ и полномочнымъ руководителемъ судебъ Россіи.

Этотъ самый Зубовъ при помощи своихъ братьевъ и прихвостней устроилъ второй раздѣлъ Польши въ 1793 г., онъ же является виновникомъ неожиданнаго нападенія на Курляндію и занятія ея русскими войсками.

Въ очень короткое время Зубовъ сталъ столь могучъ и грозенъ, какими, въ свое время, не бывали даже Орловъ и Потемкинъ. Не только Россія, но всѣ сосѣди дрожали предъ коварствомъ этого деспота, которому впавшая въ совершенное дѣтство Екатерина не могла больше оказывать никакого сопротивленія.

Къ этому времени Екатерина дошла до такого физическаго и моральнаго притупленія, что уже не удовлетворялась естественной любовью одного Платона Зубова и потому для отправленія его скотскихъ функцій къ нему были приставлены въ лицѣ его младшаго брата, Валеріана, и его друга, Петра

Салтыкова, два помощника. И вотъ въ обществѣ этихъ трехъ юношей и нѣсколькихъ придворныхъ блудницъ старая, беззубая, заплывшая въ жиру и страдавшая острой сыпью по всему тѣлу развратница и предавалась самымъ противуестественнымъ оргіямъ. Теперь уже она не довольствовалась однимъ любовникомъ и организовала спеціальныи кружокъ или такъ называемое «малое общество», въ программѣ котораго стоялъ культъ самыхъ омерзительныхъ чувственныхъ удовольствій.

Цѣлыхъ семь лѣтъ держались Зубовы въ милости у Екатерины, и только смерть послѣдней положила конецъ ихъ масляницѣ.

6 ноября 1796 г. Платонъ Зубовъ послѣдній разъ дежурилъ въ покояхъ императрицы. Когда нѣсколько времени спустя приближенные вошли въ ея покой, то нашли ее распростертою на коврѣ — съ ней случился ударъ. Съ признаками жизни пролежала она еще 37 часовъ, но параличъ отнялъ у нея языкъ; послѣ ужасныхъ мученій она скончалась.

Не лишись Екатерина языка, она непременно лишила бы презираемаго ею Павла престола и назначила бы себѣ въ преемники своего внука и любимца, великаго князя Александра, старшаго сына Павла, но волею судьбы этого не случилось и презираемый Екатериною и Зубовыми Павелъ вступилъ на престоль.

Конечно, теперь братья Зубовы и вся ихъ клика попали въ страшную немилость, но они не тужили и,

устроивъ заговоръ, по прошествіи пяти лѣтъ собственноручно задушили Павла I въ его спальнѣ и возвели завѣщаннаго имъ Екатериною Александра Павловича на прародительскій рюриковскій и романовскій престолъ.

За время своей власти и близости къ трону братья Зубовы запаслись громадными недвижимыми имуществами и сколотили «на черный день» многіе милліоны рублей. Всевозможные знаки отличія и почести градомъ сыпались на ихъ юныя, но порочныя головы.

Дворъ «великой» Екатерины представляется исторіку, изучающему Россію, громаднѣмъ очагомъ нравственной заразы, которая отъ ступеней престола разносилась во всѣ слои русскаго общества, не щадя даже и крѣпостнаго мужика, развращая все попадающее ей на пути.

Систематически развращались не только средней классы общества, но даже и собственныя дѣти Екатерины. Такъ напр. рассказываютъ, что просто отъ праздности императрицѣ захотѣлось однажды узнать, способенъ ли ея сынъ Павелъ имѣть потомство . . . И вотъ, нисколько не затрудняясь, пятнадцатилѣтняго наслѣдника сводятъ съ весьма миловидной бабенкой — и, дѣйствительно, по прошествіи требуемаго срока, Павелъ оказывается способнымъ быть отцемъ и производить на свѣтъ сына!

Первая супруга Павла, Наталія Алексѣевна, будучи еще невѣстой, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ влюбилась въ сопровождавшаго ее молодого офицера и впослѣдствіи продолжала съ нимъ отношенія, къ которымъ Екатерина отнеслась весьма терпимо и даже покровительственно. Вторая супруга Павла, вюртембергская принцесса Марія Феодоровна, отличалась большимъ цѣломудріемъ и на всѣ соблазны отвѣчала съ большимъ упорствомъ. Такое своевольное цѣломудріе не могло нравиться ея властительной тещѣ, а потому, когда Екатерина увидѣла, что молодая наслѣдница намѣрена, вопреки общему теченію, оставаться твердой въ своихъ рѣшеніяхъ, она стала донимать ее и ея супруга тѣмъ, что привлекла въ свой развращенный кругъ ихъ дѣтей и ограничивала матеріальные доходы наслѣдной четы, на жалгія въ то же время милліоновъ для своихъ сутенеровъ.

Не знаемъ, на сколько справедливы слова Массона, говорящаго, что русское общество въ дни Екатерины представляло изъ себя ничто иное, какъ «громадный публичный домъ». Въ предѣлахъ же такъ называемаго «порядочнаго общества» отношенія половъ достигли необыкновенной примитивности, и поощряемые свыше къ различнымъ гнуснымъ выходкамъ мущины и женщины всѣхъ возрастовъ стремились перещеголять другъ друга изобрѣтательностью въ развратѣ.

Въ Москвѣ даже образовался специальный «ор-

день» подъ именемъ «физическаго клуба», члены котораго принадлежали къ самому высшему слою общества. Операціи этого «ордена» заключались прежде всего въ сытномъ ужинѣ съ чрезмѣрными возліянiями, послѣ чего приступали къ «разыгрыванiю парочекъ».

И вотъ послѣ «розыгрыша» начинались отвратительнѣйшія оргіи, во время которыхъ братья теряли стыдъ передъ своими родными сестрами, отцы передъ дочерьми, жены передъ мужьями . . . все старалось наслаждаться и не отставать отъ общаго порыва скотскихъ инстинктовъ, охватившаго въ такія минуты все общество. Подобныя же общества открывались то въ Петербургѣ, то въ другихъ городахъ Россіи.

Въ Петербургѣ, напр., по словамъ того же Массона, простота нравовъ доходила до того, что посреди города, на притокахъ Невы, мужчины и женщины купались вмѣстѣ, и обывательскія дочки, которыхъ иногда родители не пускали на публичное посрамленіе, любовались изъ своихъ оконъ на тѣ чисто животныя сцены, какія происходили на рѣкѣ.

Точно также и общественныя бани могли посѣщаться одновременно мужчинами и женщинами, и только когда случилось слишкомъ много скандаловъ въ этихъ баняхъ, Екатерина издала указъ, по которому право посѣщать женскія бани сохранялось лишь за «врачами и художниками», которымъ де въ видахъ ихъ студій необходимо иногда наблюдать нагихъ женщинъ: всѣмъ же прочимъ доступъ былъ

прекращень. Нечего и говорить, что послѣ такого удивительнаго распоряженія «художественные интересы» въ кругу петербургскихъ мужчинъ крайне возросли!

Соціальное различіе классовъ было столь велико, что ни одна московская аристократка не стѣснялась отправлять свои обыкновенныя естественныя потребности на глазахъ у своихъ крѣпостныхъ лакеевъ.

Многія дворянки-помѣщицы находили особое удовольствіе раздѣвать своихъ крѣпостныхъ мужиковъ донага и любоваться зрѣлищемъ, когда ихъ драли кнутами.

Нѣкая княгиня К., игравшая при дворѣ Екатерины особенно выдающуюся роль, испытывала особое наслажденіе въ томъ, что натравливала своихъ собакъ на голыхъ мужиковъ и бабъ, била своихъ дѣвокъ по голымъ грудямъ и царапала ногтями до крови ихъ нѣжныя части тѣла.

Плотская похоть и жестокость глубоко гнѣздились въ привилегированныхъ лицахъ того времени, и неудивительно, что всѣ эти непотребства сходили безнаказанно, такъ какъ на высотѣ престола служили тому же самому культу и потому смотрѣли на все подобное сквозь пальцы.

Слѣды этого удивительнаго и, пожалуй, единственнаго въ своемъ родѣ въ исторіи народовъ правленія были очень глубоки. Какъ Чингизъ-ханъ и Батый калѣчили въ свое время несчастную Русь физически, такъ искалѣчила Екатерина ее морально.

Много гнусныхъ дѣлъ, на которыя не отваживались ея предшественники, Екатерина совершила даже не задумавшись.

Такъ, царевичъ Иванъ Антоновичъ, котораго Елизавета не была въ состояніи убить, въ 1764 г. по распоряженію не знавшей ни страха, ни стыда Екатерины былъ задушенъ ея клеветами въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ онъ до того времени томился въ грязномъ и сыромъ подвалѣ.

Слѣдуетъ упомянуть здѣсь также и такъ называемую Княжну Тараканову, по предположенію иностранныхъ историковъ, побочную дочь Елизаветы Петровны, которая отличалась большой красотой и прекраснымъ образованіемъ. Она была весьма любима въ Россіи и потому, когда она, послѣ долгаго скитанія за-границей, появилась въ 1774 г. въ Италиі, Екатерина озаботилась чрезъ своихъ пріятелей, чтобы Тараканову арестовали и упрятали въ тюрьму, гдѣ она, какъ увѣряють многіе, погибла во время наводненія.

Но какъ Екатерина ни заботилась о своей безопасности, претенденты на ея престолъ постоянно выплывали то въ одномъ, то въ другомъ концѣ Россіи. Несмотря на несостоятельность ихъ притязаній, они всетаки встрѣчали у голоднаго, обобраннаго и недовольнаго своимъ правительствомъ народа громадное сочувствіе.

Недовольный грабежами и насиліями Екатерины народъ съ чувствомъ благоговѣнія произносилъ те-

перъ имя умерщвленнаго императора Петра III и причислялъ его къ лику святыхъ, а потому неудивительно, что въ короткое время появилось до дюжины Лже-Петровъ III.

Неудивительно послѣ этого покажется и то, что за Емелькой Пугачевымъ ношлась такая масса послѣдователей, которые создали ему безпримѣрный въ исторіи революцій успѣхъ.

Подавленіе поднятаго Пугачевымъ возстанія слѣдуетъ приписать единственно необыкновенно депотическимъ мѣрамъ, предпринятымъ изъ Петербурга. Рѣзали, вѣшали, колесовали и четвертовали всякаго, на кого имѣлось хотя малѣйшее подозрѣніе; этими мѣрами старались наводить на Россію такой панической страхъ, чтобы на долгое время обезпечить тишину и спокойствіе.

До того собственно, что думалъ русскій народъ о своихъ властителяхъ, Екатеринѣ было мало дѣла, она ненавидѣла и презирала русскій народъ, который для нея являлся лишь средствомъ доходовъ, необходимыхъ на покрытие чрезвычайныхъ ея тратъ на любовниковъ.

Русскій мужикъ былъ совершенно безправнымъ существомъ и не могъ приносить на своихъ господь-угнетателей никакихъ жалобъ.

Подъ владычествомъ этой «просвѣщенной властительницы» нѣкогда свободный русскій народъ лишился всѣхъ человѣческихъ правъ. Когда Дидро какъ то неодобрительно выразился по поводу того,

что русскій мужикъ грязень и неопрятень, Екатерина съ цинизмомъ отвѣтила: «къ чему мужикъ станетъ мыть тѣло, которое не принадлежитъ ему?»

Одна эта фраза уже достаточно свидѣтельствуеть о политическихъ и моральныхъ принципахъ этой женщины.

Другой случай не менѣе ярко характеризуетъ ея государственныя заботы. Рассказываютъ, что къ Екатеринѣ обратился какъ-то одинъ бѣдный полковникъ за вспомошествованіемъ, и императрица велѣла отвѣтить ему: «коли онъ бѣденъ, то самъ виноватъ — онъ довольно долго командоваль полкомъ . . .» Иначе говоря: «грабьте, воруйте и наживайтесь на счетъ казны и оставьте меня въ покоѣ!»

Дорожа мнѣніемъ о себѣ Европы, Екатерина постоянно кокетничала съ французскими энциклопедистами Вольтеромъ, Дидро и Д'Аламберомъ, которые, не смотря на свои либеральныя мысли, не стыдились за русское золото пресмыкаться предъ любовницей Орлова, Потемкина, Зубова и другихъ.

Они не стыдились публично воспѣвать умъ и таланты Екатерины, съ которой находились въ самой дружественной перепискѣ, а Вольтеръ даже состоялъ на постоянномъ жалованіи у нея и неоднократно бывалъ въ Россіи. Въ честь его въ библиотекѣ императрицы была поставлена его мраморная статуя, — которая лишь тогда была упрятана въ подвалъ, когда во Франціи вспыхнула революція.

Екатерина съ большимъ предпочтеніемъ писала

политическіе манифесты, переполненные громкими и либеральными фразами, она издала даже нѣчто въ родѣ «россійскаго кодекса», о которомъ въ Европѣ говорили и писали немало и основанія котораго были приняты во Франціи.

Но эти громкія и напыщенные фразы такъ и оставались фразами, и «знаменитый кодексъ» такъ и пролежалъ въ портфель великой законодательницы, которая показывала его лишь иностраннымъ гостямъ и тѣмъ самымъ стяжала себѣ въ ихъ глазахъ славу мудрой женщины.

Къ тому же манифесты эти и прочія литературно-политическія творенія «мудрой» Екатерины были ничѣмъ инымъ, какъ выписками изъ Монтескье, Мабли, Беккариа, Руссо и друг.

Все это имѣло лишь цѣлью «напустить пыли въ глаза» глупой Европы и затѣмъ при помощи кнута заставить ее кланяться и пѣть хвалебные гимны.

Планъ этотъ, дѣйствительно, къ стыду «просвѣщеннаго запада» удался Екатеринѣ какъ нельзя лучше, ибо россійскій деспотизмъ, достигшій въ то время едва ли не своего кульминаціоннаго пункта, вновь воодушевилъ и поддержалъ приходившій въ упадокъ западный абсолютизмъ, и Меттернихъ съ компаніей въ сущности были ничѣмъ инымъ, какъ жалкими послѣдователями великой сѣверной блудницы.

Всѣ екатерининскія великія «творенія» въ области администраціи и судопроизводства были ничѣмъ

инимъ, какъ тѣми же знаменитыми «потемкинскими деревнями». Всюду приступала она къ реформамъ и нигдѣ не доводила ихъ до конца. Только въ области монополій и налоговъ Екатерина заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ здѣсь система обирания народа и обезцѣниванья земли ею доведена была до геніальности!

Мы заканчиваемъ наше повѣствованіе словами одного выдающагося русскаго человѣка времени Екатерины, который знаменитой художницѣ Лебрунъ, пожелавшей писать портретъ Екатерины Великой вскорѣ послѣ ея смерти и пришедшей къ упомянутому сановнику за нѣкоторыми совѣтами насчетъ деталей, скавалъ:

«Возьмите, милостивая государыня, въ качествѣ полотна нашу бѣдную Россію; вмѣсто фона — мракъ и невѣжество; вмѣсто драпировки — грабежъ Польши и пишите вмѣсто красокъ человѣческой кровью!»

Потомство Екатерины.

